

Раяса Аветисякая
 Анятатин Алексеев
 Агнеш Агнешкин
 Ольга Арефова
 Валерий Амищенко
 Анна Асонова
 Олег Балежин
 Александр Билгалев
 Лариса Ботарова
 Нина Бурносова
 Катя Бушуева
 Игорь Васильев
 Алексей Бернштейн
 Альфред Галд
 Ольга Горюкава
 Иван Гринбурин
 Александр Грингальт
 Сергей Гусев
 Олег Дозморев
 Алексей Ефремов
 Борис Ефремов
 Владислав Зонадворов
 Аркадий Застафев
 Елена Захарова
 Евгений Завезин
 Владимир Зноскова
 Юрий Казарин
 Евгений Касимов
 Анна Козьмова
 Лев Колен
 Андрей Козлов
 Андрей Камлев
 Илья Корнилов
 Владимир Коткаренко
 Юлия Крутова
 Николай Кузин
 Анятатин Кукарский

Грука на паче

Любовь Ладенчикова
 Юрий Лобанцев
 Валерий Лузгин
 Марк Луккин
 Владимир Мазуров
 Мария Макимовская
 Иван Малахеев
 Борис Магров
 Николай Мережников
 Галина Метелова
 Эдуард Мухомов
 Михаил Найдан
 Мария Никитина
 Сергей Никитин
 Любовь Петрова
 Анятатин Пудова
 Анятатин Писунин
 Исаак Роттер
 Лев Роттер
 Павел Самойлов
 Андрей Самойлов
 Игорь Сахаровский
 Виктор Смирнов
 Александр Соловьев
 Галина Соловьева
 Андрей Степанов
 Игорь Степанов
 Светлана Степанова
 Леонид Степанов
 Юрий Степанов
 Владислав Устинов
 Евгений Фотаренко
 Анятатин Фомин
 Леонид Чернов
 Борис Швацман
 Леонид Шкафко
 Светлана Ямская

СТИХИ
выпускников
и студентов

Уральского государственного университета
им. А. М. Горького
1920 – 1995

**Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию**

**Уральский государственный университет
им. А.М.Горького**

РУКА НА ПЛЕЧЕ

**Стихи
выпускников и студентов
Уральского государственного университета**

**Екатеринбург
1995**

ББК Ш6(2-р)6 - 335
Р 84

Рука на плече: Стихи выпускников и студентов Уральского государственного университета. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 156 с.

Составитель Л.П.Быков

ISBN 5-230-06738-1

**© Составление, вступительная статья
Л.П.Быкова, 1995**

*Издание подготовлено
к 75-летию
Уральского государственного
университета имени А.М.Горького*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

На кого, казалось бы, только в УрГУ не учат! На то и университет. А вот квалификация "стихотворец" ни в одном из полученных здесь за три четверти века дипломов не значится. Что, однако, не мешает университетскому люду стихи не только читать, но и сочинять.

В пору студенчества немногие избежали искушения зарифмовать хотя бы несколько фраз. Кто скрашивал виршеписанием минуты не самых увлекательных лекций или скуку комсомольских собраний (что это такое — многие помнят). Кто, попав вместе с однокурсниками на сентябрьскую уборочную страду или оказавшись летом в одном из целинных стройотрядов, поздним вечером у костра под непременную гитару обогащал вузовский фольклор. А кто потому и поступал в университет, что в перспективе видел себя именно на поприще стиха и надеялся в этом доме — особенно в аудиториях, отданных на вырост филологам и журналистам, — получить необходимую теоретическую и практическую выучку.

Жаль, что в последние годы у нас стали редкостью стенгазеты. Да и университетская многотиражка если и длит еще свою биографию, то крайне пунктирно. А ведь было время, когда на какой факультет ни загляни — обязательно чуть ли не во весь коридор, оставляя разве что простенок для расписания, тянулся пестревший фамилиями и заголовками ватман, который трудно было представить без стихотворных экзерсисов, выполненных как с юмористическими, так и с более серьезными намерениями. Каждый новый номер ждали почти так же, как очередную стипендию. И критику на вирши местного производства наводили тут же, не отходя от них. Политес таким маргиналиям, понятно, не был свойствен. Меж тем встречались в тех, давних уже, стенгазетных подборках и такие строки, которые и при нынешнем их воспроизведении вовсе не выглядят "любительскими".

С возрастом зуд сочинительства проходит. У большинства. Но не у всех.

Одним навык рифмования помогает выпекать "банкетную лирику" (и в университете — особенно среди философов и филологов — есть подлинные мастера того жанра, который энциклопедии называют "стихами на случай"). Другие, хотя уже не изводят себя литературными амбициями, не забывают свои стихотворные дневники, отдельные странички которых нет-нет да промелькнут в периодике. Ну, а о третьих говорить чохом не получается. И не потому, что их и впрямь немного, а потому, что поэт — величина штучная. И не так уж при этом важно, где он слу-

жит. Поскольку решает тут все не сфера деятельности, а характер жизневосприятия.

К 75-летию университета впервые делается попытка представить выпускников УрГУ, окончивших его в разные годы и отличных друг от друга во многом за исключением, пожалуй, одного — причастности к стихотворству.

Любой вуз гордится своими воспитанниками и в юбилейные дни созывает или вспоминает тех, кто на своей профессиональной стезе добился немало. Эта книга свидетельствует, что Уральский университет вправе гордиться не только именитыми учеными, авторитетными педагогами, влиятельными управленцами, но и несомненными поэтическими дарованиями. Строка одного из них, Александра Башлачева, вынесена на обложку сборника.

Наряду с авторами, чьи стихи, без преувеличения, не затерялись бы в любой из антологий современной поэзии, на этих страницах собраны создания тех, кто, не претендуя на звание поэта, угадывает в себе — пускай не часто и пусть хотя бы в намеках — тот самый лиризм, который, по словам самого, вероятно, известного из современных версификаторов (хотя, заметим в скобках, университетов не кончавшего и даже аттестата о среднем образовании не имеющего), "и есть главное, вечное на этом свете. Все остальное — та или иная степень душевного, а то и физического жлобства. Однажды оказавшись способным извлечь из себя эту ноту, забыть о ней оказываешься не в состоянии".

Чем ближе наше столетие к своему исходу, тем скупее человек в проявлениях того, что — если согласиться с категоричностью И.Бродского — понимается под лиризмом. Но тем каждое такое проявление и дороже.

Следует сказать, что право на прописку в этом поэтическом "общежитии" давал диплом УрГУ. За единичными и, надеюсь, понятными исключениями. Естественно, что подбор стихов не мог не быть субъективным. Столь же, полагаю, очевидно, что, хотя участниками сборника стали десятки авторов, на именную полноту он не претендует. Не удалось отыскать сочинений тех, кто окончил университет до Великой Отечественной. Да и первое послевоенное десятилетие представлено лишь несколькими фамилиями. Вне досягаемости оказались и стихи ряда выпускников 60-х годов (как, впрочем, и последующих лет).

Составитель благодарен за содействие в работе над предлагаемой книгой В.А.Блинову и Г.Ф.Дробизу, а также В.А.Мазур, И.А.Данилову, В.В.Ершову, Ю.В.Сопельняк и С.Г.Якимовой.

К ОТКРЫТИЮ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Еще одна тревожная загадка,
Еще одна блаженная мечта.
И верить хочется и жаждать сладко
Приветов сладких клейкого листа...

Здесь некогда безумный плотник Петр,
Рабочую мечту в груди лелея,
Назначил свой второй вечерний смотр —
И быстро выросла Урала ассамблея...

И ныне, в дни порывистых потуг,
Врубаются усилья в твердый камень,
Смыкается поспешно тесный круг,
Мы держим вновь трагический экзамен.

В предчувствии неведомых свершений
Сошлася юная, но дружная семья.
И реет вновь близ нас жестокий гений,
Сверкает резко жало лезвия.

Вперяя острый взор в таинственную тьму
Меж теплым кровом и холодным полем,
Мы ищем выхода свободному уму,
Настойчиво судьбу слепую молим,

Чтобы божественный и вольный разум
Средь новых сельбищ и среди старых скал
Сверкнул граненым трепетным алмазом.
Куранты быют: "Ура, Урал!"

Опубликовано
под псевдонимом "Гост."
в газете "Уральский рабочий"
11 января 1921 года

ВЛАДИСЛАВ ЗАНАДВОРОВ

(1914 - 1942)

В 1935 году поступил на геологический факультет. После того, как геофак УрГУ был в 1938 году передан Пермскому университету, продолжил учебу в Перми, окончив вуз в 1940 году. В ноябре 1942 года погиб в бою под Сталинградом.

РОДИНА

Вот она — лесная родина:
Над рекой падучая гроза,
Наливная черная смородина,
Черная, как девичьи глаза.

А в лесах, за грозными вершинами,
Травы стынут в утренней росе,
И березы с лопнувшими жилами
Падают, подвластные грозе.

И навек плененная просторами,
Выбегает узкая тропа.
Дальнее село за косогорами,
В воздухе повисли ястреба.

И потайно за густыми травами
Сказывали парням молодым,
Как на Волге с Емельяном плавали,
Жили с атаманом Золотым.

Над крестами, над моими предками,
Над крутыми строками стиха
Снова машет огненными ветками
Дикая заречная ольха.

И хоть сколько бы дорог ни пройдено,
Ни отмерено далеких верст —
Хлебом-солью повстречает родина,
Улыбнется тысячами звезд.

А меж гор, что с тучами обвенчаны,
Кама силу пробует свою.
Я ни друга, ни отца, ни женщины
Не любил, как родину мою.

1936

ЩИТ

Мы щит нашли на поле Куликовом
Среди травы, в песке заросших ям.
Он медью почерневшей был окован
И саблями изрублен по краям.

Безвестный ратник здесь расстался с жизнью,
Подмят в бою татарским скакуном,
Но все же грудь истерзанной отчизны
Прикрыл он верным дедовским щитом.

И перед ним в молчании глубоком
Мы опустили шапки до земли,
Как будто к отдаленнейшим истокам
Могучего потока подошли.

...Что станет думать дальний наш потомок
И чем его наполнится душа,
Когда штыка трехгранного обломок
Отыщет он в курганах Сиваша?

1940

ЛЕВ РАЙХЕР

Родился в 1921 году. В 1939 году поступил на химический факультет. В 1940 году призван на военную службу. Участник Великой Отечественной войны.

ВСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

Она пришла в полосатой майке,
На подоконник села небрежно,
Спросила меня:
— Кто я? Угадай-ка! —
И улыбнулась тепло и нежно.

Весна! Это ты ли?
Тебе здесь не место...
Ее я прогнал и захлопнул окошко,
Но ей другие пути известны —
И снова ластится
ласковой кошкой.

Сирени запах меня дурманит,
Проверил пульс —
учащенно бьется...
Весна за окном...
Голова в тумане...
Манит, зовет
и звонко смеется.

Что это? Кажется, я
вздохнул...
И стало легко,
словно крылья почуял,
Не выдержал,
дверь толчком распахнул
И крикнул: —
Весна! Входи!
Не могу я...

1941, весна

ИСААК РАЙХЕР

Родился в 1918 году. Выпускник химического факультета 1941 года.

Может, грозными очами
Из вселенских тайников
Кто-то пристально за нами
Смотрит испокон веков.

Может, мудрый и всеильный,
Исправляя бег светил,
Все, что было, есть и будет,
Он давно определил.

И смеется гневным смехом
Из вселенских тайников
Над бедою, над успехом,
Над чредою тусклых снов.

А когда Ему наскучит
Нашей жизни мыший пир,
Он его одним движеньем
Опрокинет в антимир.

1941, июль

МИХАИЛ НАЙДИЧ

Родился в 1924 году. Окончил факультет журналистики (1952). Автор многих книг стихов и прозы. Член Союза писателей.

Три стихотворения из цикла "ВОСПОМИНАНИЯ"

* * *

О любимых парни вспоминали
Посреди окопной тишины,
Мне-то хорошо — что на привале,
Что в бою:
Ни милой,
Ни жены.

Я свободен.

Я почти что школьник.

Я курсант...

Патроны. Карабин.

Треплет мокрый ветер —

ну и шkodник! —

Обмундирование рябин.

И шальная пуля

как-то тонко

Свистнула над самой головой...

На Урале вздрогнула девчонка,

Та, что позже встретится со мной.

* * *

Запахи степные... Мята, донник,

Лебеда касается бровей.

По моим мальчишеским ладоням,

По гранатам

Ползал муравей.

Не забуду до скончанья века

Этот день. Он был предельно хмур,

На меня, на просто человека

Надвигался всею мощью Рур.

Меж разрывов черных — неба проседь;
На высоте танк
Ревел ревмя...
Прежде чем в него гранаты бросить,
Почему-то сдул я муравья!

Когда в полутьме эшелон громыхал,
Врываясь на станции с ходу,
Стесняясь немного, стихи он читал
Друзьям по стрелковому взводу.

А после, надеясь на связку гранат,
Он понял в дыму горьковатом:
Здесь мало поэта — здесь нужен солдат,
И он становился солдатом.

И первую спичкой костер зажигал,
И строил блиндаж в шесть накатов,
И коль приходилось — не ел, и не спал,
И действовал в группе захвата.

Но, странно, в окопе, в дыму этих лет,
Он понял, склонясь над планшетом:
Здесь мало солдата — здесь нужен поэт,
И он становился поэтом.

От ружейных ремней застонало плечо —
тихий отзвук, принесший далекую дымку.
Одинокое дерево, сколько еще
простоишь ты

с назойливым ветром в обнимку?

В долгожители метишь, видать? А на что?
Оседает и память, как дыма завеса.
И уходят ребята, в шинелях, в пальто;
я глотаю слезу.

И гляжу я, как то
одинокое дерево,
в сторону леса...

ЛЕОНИД ШКАВРО

(1920 - 1994)

Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации учился в университете с 1946 по 1950 год, с четвертого курса журфака перевелся в Литературный институт. Автор 16 книг стихов. Член Союза писателей.

БОГАТЫРИ

*Моим землякам—
уралмашевцам*

Они просты собой,
но тоже
герои с доброю душой,
хотя почти
ничем не схожи
с былинным
Муромцем Ильей!

Но сила их
всегда посмеет
поспорить
с крепостью брони...

Да что броня!
Она слабее:
ее-то плавил —
они.

Теплынь плывет по городу,
и тает
пожухлый снег
Исетского пруда,
и хоть снежинки
небо посылает,
но под ногами
булькает вода.

Тепло —
оно
любому сердцу ближе,
чем холода январские,
но мы
с какой-то грустью
смазываем лыжи
и прячем их
до будущей весны.

ЮРИЙ ТРИФОНОВ

(1927 - 1974)

| В 1951 году окончил факультет журналистики. |
| Автор девяти книг стихов. Член Союза писателей. |

СМЕНА

Сначала встали дворники. На совесть
Лопатами сугробы разгребли.
Потом проснулись птицы. Свистнул поезд,
Здороваясь с разъездами вдали.
И выкатилось солнце в легкой дымке.
Метнула тень поджарая сосна.
Заискрились веселые снежинки,
Как зернышки в изломе чугуна.
Продул проулки ветер краснощекий.
Страхнул следы бессонницы завод.
Моторчик подвесной взаклеб зашелкал.
Мелькнул у дома первый пешеход.

* * *

- Дают парнишке полную анкету.
Скребет пером он в душной тишине.
И смахивают многие ответы
На упражнение с частицей "не".

Не избирался! Не имеет званий!
Не отбивал атак, врагов кося.
Он даже начал, было, с отрицанья
Писать в графе — когда он родился.

Кадровики! Работники со стажем!
Какого же молчите вы рожна!
Давайте, не скрывая, честно скажем,
Что здесь иная линия нужна.

Нас в жизни привлекает утвержденье
Высоких идеалов, трудных дел.
Пусть юноша положит сочиненье
На тему — кем, каким бы стать хотел.

А в сорок лет — поздравив речью краткой
И пожелав остаться молодым! —
Товарищ кадровик, его тетрадку
Вы у себя прочтите вместе с ним.

Да, в сорок лет, когда еще есть силы,
Когда, пройдя по тысячам дорог,
Под синим небом матери России
Еще не обметают пыль с сапог.

Да, в сорок лет, когда без заверений
В грядущее прокладывают путь.
Да, в сорок лет, когда еще есть время
Себя мечте несбывшейся вернуть!

* * *

На склоне пасмурного дня,
Когда в ложок вильнет дорога,
На полпути войдет в меня
Необъяснимая тревога.

Покажется — совсем не прост
Проселок, богом позабытый,
И почерневший, ветхий мост
Под кособокою ракитой.

В смятении зренье напрягу,
И разведу руками ветки...
Все тот же ключ в сыром логу
И березняк, настолько редкий,

Настолько синим сквозняком
Продут и ливнями промыт он,
Что я пойму — нелепо в нем
Искать какой-то смысл сокрытый.

ЛЕВ КОГАН

Родился в 1923 году. Выпускник исторического факультета 1945 года.

40 ЛЕТ

Когда сосны уходят в даль,
Когда подползают сумерки,
Мне хочется быть одному
На мягкой лесной опушке.

Спала дневная жара,
Проснулись косматые тени,
Они протирают глаза —
Час их еще не настал.

Как хорошо, что за днем
И до лунной проседи ночи
Есть золотая пора,
Когда сосны уходят в даль!

1963

* * *

Я лазурных небес для себя не искал,
Не внимал иноземным соблазнам...
Я родился в стране, где пошли на Христа
Лев Толстой и Иван Карамазов.

Я люблю этот край до последнего дня,
Отдаю ему силы и знания...
Благодарен тебе я, Отчизна моя:
Ты меня научила страданию!

Я родился в стране, где кричат пустыри,
Без могил где убитые стонут...
Каждый Спас — на крови,
Каждый час — на крови,
Каждый миг на крови миллионов!

1989

МОНОЛОГ САЛЬЕРИ

Я стал для толпы легковерной кумиром,
Забыв Палестрина и Глюка бранят...
Но сотни актеров грядущего мира
С таким вдохновеньем сыграют меня!

Не знал я при жизни подобных оваций.
Кто мог бы подумать — столетья спустя,
Стал темой спектаклей, поэм, диссертаций,
Заметьте, не Моцарт, а именно я!

К чему мне лукавая тень фарисейства?
Эпоха решила былые сомненья:
Я — Гений порока, я — Гений злодейства,
Я — Гений измены, но все-таки — Гений!

Ко мне поклониться спешат вереницы,
Легенде о даре Изоры поверя,
Известно, что Моцарт живет в единицах,
Но в каждом из вас есть частица Сальери!

Открыл для толпы я бессмертия средств,
Судьбы поколения железный закон:
Я знаю — бессмертна в столетьях Посредственность,
А гений природой на смерть обречен.

1983

ИГОРЬ ТАРАБУКИН

(1925 - 1980)

| *В 1952 году окончил факультет журналистики.*
| *Автор 15 книг. Член Союза писателей.* |

СОБРАНИЕ

Вчера проходило собрание
с вопросом: "Задачи искусств
и рост молодых дарований".
Докладчик — товарищ Прокруст.

АВГУРЫ

Два авгура от общества "Знание"
Изложили свои предсказания.
А потом, получив указания,
Стали вновь излагать предсказания.

КАНАВА

Под окном дорогу люди
перерыли в пятый раз...
Никогда, друзья, не будет
Безработицы у нас!

С ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЕМ

Ни осины, ни березы...
На сто верст — один бурьян.
Честь и слава леспромхозам,
Перевыполнившим план!

К СОЖАЛЕНИЮ...

— Как человек я вас пойму,
Но как директор я обязан...
Как жаль, что трудно быть ему
Всегда и тем и этим сразу!

К ПОРТРЕТУ ФЕЛЬЕТОНИСТА

Он, понимая толк в мундире,
Имеет свой подход к сатире.
Всегда готов критиковать
Без скидки на чины и лица,
Но прежде (чтоб не
ошибиться)

Предпочитает узнавать:
Кого?
Как смело?
С чем смешать?
И как прикажете начать?

А в остальном похож сполна
На Салтыкова-Щедрина!

СТУЛ

Пусть под тобою стул немалый,
На всех ты смотришь свысока...
Но помни: даже пьедесталы
Не выдаются на века!

СИМПТОМ

"Я не дурак!" — из года в год
Твердит он с упоением.
Знать, у него на этот счет
Какие-то сомнения!

ЕВГЕНИЙ ФЕЙЕРАБЕНД

(1926 - 1981)

Окончил три курса историко-филологического факультета, прервав учебу в 1957 году из-за обострения многолетнего недуга. Автор многих стихотворных книг, адресованных преимущественно детям. Член Союза писателей.

УРАЛЬСКАЯ СОСНА

Колючая да гордая.
Певучая.
Корявая порой,
Зато живучая.
Могучая,
Вся в солнечной смоле,
О чем-то разговаривает с тучею,
И в небе просто ей — как на земле.

Стоит она над прочими деревьями,
Не убоившись выступов крутых,
Хвоинками касаясь звезд серебряных,
Корнями — самородков золотых.

АНАТОЛИЙ ПУДВАЛЬ

(1933 - 1984)

Выпускник историко-филологического факультета 1956 года. Стихи публиковались в периодике и коллективных сборниках. Автор книги по литературному краеведению "Поиск" (1974) и книги стихов для детей.

ИНАЧЕ НАМ НЕЛЬЗЯ

На небе туч заплатки,
дожди по суткам льют...
Палатка ты, палатка,
обманчивый уют!
И под намокшим ватником
пылает голова...

Героика, романтика —
хорошие слова!
Что ж, о геройстве нашем
трубят напрасно, может?
Мы просто землю пашем,
и то, когда погоже,
о запчастях горюем,
солярку ждем, как свет,
скандалим о горячем,
тоскуем о Москве,
где — много или мало —
семнадцать прожил лет, —
где есть кино и мама
и где палаток нет.
Дается все не вдруг нам,
и далеко до славы.
И так, поверьте, трудно
нам всем, не только слабым.
Такая хмарь придет порой,
что все бы с глаз долой,
и по любой бы из дорог —
в счастливый край — домой.
Но кто же будет здесь, и с кем
пахать да жать друзьям?
Без нас обходятся в Москве,
а здесь без нас нельзя.

Не просто — сутками без сна,
гудит уставшая спина,
от злых мозолей в полутьме
в степи девчужки плачут...
Но ведь на то и целина,
что ей — нелегкая цена.
На то и мы на целине,
что нам нельзя иначе.

СНОВА — В ДОРОГУ

И опять поманили меня
в бесплацкартные, тряские рейсы
эти злые перроны и рыжий песок по откосам,
эти черные шпалы и эти гудящие рельсы,
на которых упруго и бойко
раскачиваются колеса,
этот едкий дымок
и колючий пронзительный ветер.
Поезда, поезда, уходящие зябкою ранью,
семафоры глазастые, стрелки да перегоны...
Если б жизнь мою кто-то
решил прокрутить на экране,
то мелькали б не кадры, —
вагоны, вагоны, вагоны.
И, пресытись тобой,
я тебя осуждаю, движенье,
как боязнь темноты,
как сердечную боль на бегу,
я тобой утомлен,
этим злым карусельным круженьем,
но прожить без тебя даже месяца я не могу!
Сколько раз я поклялся
рюкзак запыленный не трогать!
Но всегда, поступаясь и словом,
и клятвой люблюю,
я спешил к тебе снова,
любил тебя снова, дорога,
затяжную,
сквозною,
и проклятой трижды любовью!

БОРИС ШИГАЙКИН

Родился в 1934 году. Окончил факультет журналистики в 1957 году. Стихи печатались в периодике и коллективных сборниках.

УЛЫБКА ЧЕЛОВЕКА

Какой сегодня ветер,
Тревожный и сырой...
Заламывает ветви
Деревьев темный строй.

Заламывают руки
И маются в беде,
А под ветвями ругань
Рассерженных людей,
И лица постным-постные,
Такие високосные.

Но магазинной кассой,
Как будто выбит чек,
Вдруг ахнул тормоз МАЗа,
И вышел человек.

Веселый, пробензиненный,
В одежде прорезиненной,
На тротуар ступил.
И взглядом все приветил —
рекламы, дождь и ветер —
И словно враз скупил.

Взамен рассыпал радость
Веселости своей.
И стал на целый градус
Теплее воздух с ней.

Вы скажете, наверно:
— Выдумывать мастак.
Вы слышите? Неверно!
Я видел: было так!

...Какой сегодня ветер...
А человек какой!
Ему б игрушки детям
Возить на грузовой.

ИВАН ГРИБУШИН

(1935 - 1978)

Окончил филологический факультет в 1957 году.
Стихи печатались в периодике и коллективных сборниках.

МОЛНИИ

*Далекая молния кажется красной,
а близкая — голубой.*

Из записной книжки

Пусть воздух, удушьем наполненный,
распорет большая гроза.
Да здравствуют красные молнии,
кромсающие небеса!

Пусть гром громыхает неистовый
над травкой и тропкой лесной.
Да здравствует молния близкая,
слепящая голубизной!

НА КОМИССИИ

У всех крепки, как кремь, кости
и мышц клубки.
Но парни почему-то ростом
невысоки.

Мы выросли в тревожном мире
военных дней,
мы торопились стать пошире,
встать попрочней.

И, часть забот страны на плечи
взвалив свои,
мы не искали дела легче —
ведь шли бои.

Придирчивый в военкомате
осмотр идет,
но год рожденья тридцать пятый
не подведет.

Я НЕ ВЫШЕЛ ИЗ НАРОДА

Я вырастал, заботой старших
одет, накормлен и согрет.
Я первым из деревни нашей
окончил университет.

Мной не забыта та забота.
Все больше верю с каждым днем:
нет, я не вышел из народа,
я только укрепился в нем.

АККОМПАНИАТОР

Пускай встречают не его букетами —
он для себя не требует наград.
Живет он песнями, другими спетыми,
и от души чужим успехам рад.

Мне нравится его судьба открытая.
Я от такой не откажусь и сам,
чтоб людям, их успехам не завидуя,
помочь, как помогает он певцам.

ЭДУАРД МОЛЧАНОВ

Родился в 1934 году. Окончил факультет журналистики (1957). Автор книги лирики "Костер у Чары" (1994).

•

Пустынен берег,
Стиснутый горами.
Как чьи-то судьбы,
Лодки на песке.
И волн гряда,
Гонимая ветрами,
О камни разбивается
В броске.

Раскованность
И торжество простого.
Извечный ритм,
Где скорость не нужна.
От бездны неба
До морского дна —
Прозрачность,
Чистота и глубина,
И песенность
Байкальского простора.

Обнять бы снова худенькие плечи
И тихо гладить иней седины.
Да, матери навечно нам даны,
И долг наш перед ними тоже вечен.
Они благословили нас в дорогу.
О, радость встречи, сердце окрыли!
Где б ни был я,
хоть на краю земли,
А возвращался к твоему порогу...

АНАТОЛИЙ КУКАРСКИЙ

(1934 - 1978)

*Окончил факультет журналистики (1959). Автор
четырех книг стихов.*

ШТИЛЬ В ОБСКОЙ ГУБЕ

Летели лебеди лениво,
Летели словно никуда,
И теплым лепетом прилива
Обская ластилась губа.
Она плескалась в пленный невод
И лодке в плоские бока.
Она терялась в бледном небе
И растворяла облака.
Она струилась тусклым блеском
И невесомо и светло.
И отпускала с тяжким всплеском,
Как будто нехотя, весло.

* * *

В жизни немного надо.
В жизни немногого нет:
Чтоб изумленная радость
В каждом светилась окне.
Чтоб не взлетели ракеты,
Выплеснув море огня.
Чтоб не пугались рассветы
Каждого нового дня.
Верило чтобы, как прежде,
Сердце в извечную новь,
Что не иссякнет надежда
И не погибнет любовь.

ЛЮДИ

Оборвали у ромашки лепестки,
Погадали: любит-не-любит.
Оборвали у ромашки лепестки—
Неизвестно кто.

Люди.

Поломали крылья у души,
Были безразличны, а не люты.

А пойди попробуй отыщи:

Неизвестно кто.

Люди.

От обиды щеки загорят.

Темь в глаза нахлынет и в полудень;

О тебе худое говорят.

Неизвестно кто.

Люди.

В тундре я себя в расход списал:

Ночь, пурга, на сотню верст безлюдье.

Я спросил, очнувшись, кто спасал —

Неизвестно кто —

Люди!

* * *

За лютость стуж спасибо январю,

А сентябрю — за плод, литой и тучный.

За все, за все я жизнь благодарю —

За небо голубое и за тучи.

За усталь отгорающего дня,

Что завистью к удачам не чадила.

За то, что жизнь не берегла меня

И дней моих нисколько не щадила.

Спасибо ей за тихие леса,

Что в росах встрепелулись

Зябкой дрожью...

Я знаю, что землею стану сам.

И оттого —

Она еще дороже!

АЛЬФРЕД ГОЛЬД

Родился в 1939 году. Окончил исторический факультет (1970). Автор четырех книг стихов. Член Союза российских писателей.

* * *

Не мечтал прослыть ни сильным, ни богатым,
чтоб охрипшим горлом выть от первача...
Мне хотелось стать бродячим музыкантом
с хрупкой скрипкой у потертого плеча.
В городских дворах, где людно вечерами,
где в окошках отражается закат,
расстилал бы я мелодии коврами
золотых, как звезды, аппассионат.
Чтобы девушки веселые и вдовы,
чьи глаза перекипели болью слез,
подходили, тихо спрашивая: кто вы,
что играете так грустно и всерьез?
Чтоб мужчины, возвратившись после смены
и едва отмыв станочные масла,
мою музыку ловили, как антенны,
и улыбка на губах у них цвела.
Так ходил бы по дворам и по кварталам
робким отпрыском бродячих скрипачей.
И прослыл бы я в народе добрым малым,
хоть никто не знал: откуда я и чей.
Был бы счастлив я и весел. И однажды,
небывалой светлой музыкой звуча,
окрыленная вниманием сограждан,
упорхнула б в небо скрипочка с плеча.

* * *

А у кукушек вдовьи голоса.
Вот почему, едва они заплачут,
задумчивей становятся леса,
дрозды свои свирельки в дупла прячут.
И не случайно жители чащоб
их одарили именем пророчиц,
пророчества растут из одиночеств,
когда часам тоски потерян счет.

Кто испытал такое на себе,
тот знает, как рождается прозренье.
Покинутость, забытость, разоренье
гнезда души...

И вот уже в тебе
скребется боль подкидышем-птенцом,
прожорливым, голодным кукушонком,
и места нет в гнезде разворошенном
другим птенцам...

А ты живешь одной
заботой утоленья этой боли...
Потом она окажется на воле,
и вдалеке, из чащи потайной,
так закукует, вдовушкой заплачет,
что приутихнут птичьи голоса...
Дрозды свои свирельки в дупла прячут,
и станут вдруг задумчивей леса.

ПОКОЛЕНИЕ

Мужчине — двадцать два. Он был в Кабуле.
Он видел смерть лицом к лицу — в упор.
В его груди — две чужеземных пули,
в глазах — хребты немых афганских гор.
А кто же мы:

ты, блеющий о благе,
и я — столяр кривых плакучих лир?
На вид — отцы, по сути — бедолаги,
избила моль парадный наш мундир!
Отцы — за нас! — с гранатами бросались
и сыновья...

А мы — иных кровей?
Не понимаю, как мы затесались
между отцов своих и сыновей!
Как с неприкосновенностью экспертов
дошли в своих бетонных желобах
от похоронок в сереньких конвертах
до черной скорби в цинковых гробах!

(1934 - 1977)

ЦИФРЫ

Неруда!

P.S.

Расстреляны на том же стадионе.

БОРОДА

Я несу по городу
Яростную бороду,
Рыжую,
Ершистую...
Критикуют?
Выстою!
Борода ты, борода,
Колет очи ерунда,
Мол, в XX атомном —
Да атаманом Платовым?
Век на бороды суров,
За день сто редакторов:
Кто подбрить,
а кто подправить,
Согласись — и будь здоров!
А я хожу, весной дышу,
Бородой девчат смешу.
Разговоры умолкают,
Хорошеет борода...
Привыкают?
Привыкают!
Говорят, вот это да,
Мол, вот она, искомая,
Исконная, посконная...
А я под этой бородой,
Словно Кастро, молодой,
Да и стих мой
Не про бороду,
Коль думать головой...

Все, что гудело в нервах и крови,
И музыку, и смутный запах плоти,
И звон стиха, и грешный бред любви, —
Наследуете вы, что вслед идете.

Есть миф, что души в горе и заботе
Своих веками ищут половин...
Поймете ль вы, как гибли мы в полете,
Услышите ли грозный гул лавин?

Иль анекдотом прозвучит для вас
Наивный и горячечный рассказ
Про глупый бунт забытого поэта?

О, не спешите осуждать его,
Счастливые наследники всего,
Что чудилось в закатах и рассветах!

.

* * *

Мой ученик вперед уходит,
Махнув мне издали рукой,
Мой ученик себя находит,
Из ручейка стает рекой.
Кипит, бурлит, обходит камни,
Остановившие меня,
Наполнен плеском и гудками,
И всеми радугами дня...
Я не завидую, не спорю,
Учусь усмешке старика:
Пусть только донесет до моря
Колючий холод родника.

ЮРИЙ ЛОБАНЦЕВ

Родился в 1939 году. Окончил факультет журналистики (1966). Автор книг "Точка отсчета" (1977), "Дальний свет" (1981), "Дело" (1986). Член Союза писателей России.

ШТРИХ К ЭЙНШТЕЙНУ

$$F = \dot{p} \text{ (Ньютон)}$$

$$E = MC^2 \text{ (Эйнштейн)}$$

В сей древний мир
недолог наш визит.
Успеем ли прибавить или вычесть?
Повсюду
перезрелая привычность
над нами, будто яблоко, висит.

Придут одни —
и формул натворят.
Другие не творят — боготворят.
А третий — лишний,
третьего не ждут.
Пред третьими редутами встают
авторитеты,
хваты
и поклонницы...

Но он войдет,
на пыльный глянет том
и им в лицо швырнет свою бессонницу,
и скажет:
— Извини меня, Ньютон.

ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ

А он был стар,
затворник гордый, —
творец причудливых машин,
и уходила с каждым годом
надежда
в желоба морщин.

И в страшный миг он понял:
тщетны
его труды; была — игра...

И луч заката брызнул в щепки
с тяжелой стали
топора.

О разрушения несложность!
Она пришла как приговор
за то, что верил
в невозможность
и был дурачить не хитер,

за то, что честен был и смел
и, презирая тайно бога,
изведать к Вечности дорогу
хотел —
да так и не сумел...

В окно луна вползла бесшумно.
Там, где чернели верстаки,
рыдал старик
с лицом безумным,
сдавлив ладонями виски.

Сразила боль,
и он затих...
Но, мчась, надеялась планета
на неминуемость рассвета
и безошибочность
других.

"Будь искренним", —
слыхал почти с рожденья.
Но жизнь резва по части ссор и драк.
Пожалуй, нету слаще
убежденья,
с которым топчет истину дурак.

И сколь бы простота ни обижалась,
но путь к добру —
не с этого конца.
Отнюдь не глупость —
искренняя жалость,
но не жалка ли искренность глупца?

Я вздорной откровенности не верю,
что перед строгой мудростью тупа.
Пускай кричит, распахивая двери!
Пускай трещит рубаха до пупа!
Нет, искренность ни в чем не унижаю,
но мне сначала истинность важна,
а проще — честность!
Вот что я уважаю.
Она уму и мужеству равна.

ВАЛЕРИЙ АНИЩЕНКО

(1939 - 1994)

*Окончил факультет журналистики (1965); Автор
трех книг пародий и многочисленных публикаций в
периодике.*

СВОЙ ЗАПАХ

*Я нарочно дымлю махрою,
Чтобы в комнате пахло мной.*

Борис Марьев

Никола что-то на трехрядке
Не то играл, не то скрипел.
А я сидел в худой палатке,
Курил махорку между дел.
Тянул восьмую "козью ножку",
Пуская кольца над водой.
Я так хотел, чтоб хоть немножко
В моей палатке пахло мной.
Смола, шурфы, пикеты, ели
И шум тайги над головой —
Все пахло сущностью своею,
Лишь от меня не пахло мной.
И я шептал из-за пригорка:
— Читатель, смилуйся, ответь,
Какую мне курить махорку,
Чтоб запах собственный иметь?

ЖИВИТЕЛЬНАЯ СИЛА

*И вечно славлю тяжесть кулака,
который сжат
в защиту права думать.*

Юрий Лобанцев

Я славлю мудрость кулака,
Его живительную силу,
Что думать гениев учила
Еще в минувшие века.

О подзатыльник удалой!
Великий двигатель прогресса!
Ты помогаешь интересней,
Яснее думать головой.
Я славлю прелести пинка,
Щелчка, толчка и тумака.
Все это мыслить помогает.
Так пусть живет и процветает,
Пусть нас ведет и нам мигает
Свет негасимый синяка!

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

*Когда я в детстве выходил во двор,
Мне улица казалась краем света.
Но как-то я забрался на забор
И понял, что неправда это.
И в тот же день, чтоб край земли найти,
Уехал я на буфере трамвая.*

Лев Сорокин

Я в детстве часто выходил во двор.
Стоял себе по-летнему одетый.
Я размышлял: к примеру, вот забор...
А дальше что, конец земли и света?
Не может быть, я думал в тишине,
На городскую улицу взирая.
Сидеть без дела, братцы, не по мне!
И я — уже на буфере трамвая.
Держусь, креплюсь — рубаха пузырем.
Я мчусь вперед на буфере к познаниям:
Столбы, заборы, парки, водоем...
Так я постиг загадку мирозданья.
И твердо я уверился с тех пор —
Мне очень ясно и понятно стало, —
Там, где один кончается забор,
Другой забор берет свое начало.

ВЛАДИМИР МАЗУРОВ

Родился в 1940 году. Выпускник математико-механического факультета 1962 года.

СОН О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

Бурый медведь-флегматик
Спит; вся берлога в инее.
Сладкий медведю снится
Сон о Прекрасной Даме:

Девушка-математик
Чертит тонкие линии
В чистом снегу страницы
Колкими карандашами.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

В тихой рожице мусорных баков,
Где уют и покой неизменны,
Отдыхали душой джентльмены,
Цвет их лиц — с кирпичом одинаков.

Прохладительный выпив напиток,
Вдруг один процедил с миной томной,
Одолев своих мыслей избыток:
— Экономике — быть экономной!

Но другой, интеллектом чрезмерный,
Так сказал, человек симпатичный:
— Я скажу вам единственно верно:
Быть ей, матери, математичной!

И сказали тогда джентльмены:
— Молодец, видно, дружишь с наукой!
Экономике быть непременно
Не словесной, а численной штукой!

МИСТИКА МАТЕМАТИКИ

Математик идет по городу,
Весь погружен в себя.

Математик весело скажет:

— Проблема... Выбор...

И опять замолчит.

Его спросят:

— Проблема чего?

— Выбор чего?

Он ответит:

— Вам не понять.

Есть выбор — сам по себе.

Есть проблема — сама по себе.

НИКОЛАЙ МЕРЕЖНИКОВ

Родился в 1929 году. Выпускник факультета журналистики (1969). Автор 16 книг стихов. Член Союза писателей.

В рассвет из ночи вышли деревья.
Им там, наверно, было неуютно.
И, радости полны сиюминутной,
Горят стволы и плавится листва.

В рассвет из ночи вышли деревья.
А им навстречу появилось стадо.
И вот они стоят безмолвно рядом,
Одной реки великой острова.

В рассвет из ночи вышли деревья.
Они еще, наверно, не проснулись
Идут они вдоль наших сонных улиц
И темных изб касаются едва.

В рассвет из ночи вышли деревья.
И было это им
почти как счастье —

Стать частью дня,
Неотделимой частью,
Самим стать днем,
На день иметь права.

В рассвет из ночи вышли деревья...

Аукнуться проталине грачом,
Взять зайца ошалевшего на льдину,
Стащить в овраг беленую холстину,
Упасть в подснежник тоненьким лучом,
Изрыть ручьями каменные склоны,
Наполнить небом озеро до дна,
Пустить по мокрым веткам дым зеленый
И снизу неразборчиво:
"Весна".

* * *

Доколе коршуну кружить?

А. Блок

Все тот же блоковский простор,
Все та же глина и кюветы.
И все же многое с тех пор
Переменилось в мире этом.
Ввысь бросишь взгляд —
Дым... Копоть... Чад...
Округу взглядом ли окинуть —
Одни на окнах крестовины.
Ни коршуна —
 чтобы кружить.
Ни матери —
 чтобы тужить.

* * *

Люди лучше,
Чем принято думать
О тебе, обо мне и о нем.
Вот стоит он средь гвалта и шума
В размышленьях о чем-то
Своем.
Ну а жизнь,
Разбитная такая, —
То в припрыжистый шаг, то бегом —
Словно камень слепой,
 обегают,
Обтекает, обходит его.
Все торопится —
Столько событий!
Но стоит он, в себя погружен.
Что ему до превратностей быта!
И до коловращения
Времен!
Но коснись его локтя,
 прохожий,
Среди этой сплошной суеты —
И увидишь:
 он думал о том же,
Все о том же...
О том, что и ты.

АЛЕКСЕЙ ЕРАНЦЕВ

(1936 - 1973)

Окончил факультет журналистики (1961). Автор шести книг стихов, изданных в Челябинске и Москве.

Ходит ветер, ищет мельницу,
Залетает в рукава:
Может, сердце перемелется
На хорошие слова.
Встану в поле, там, где ветрено,
Под грачинный переплет.
Мне курган ковыльным веником
Пыль с ботинок обметет...
Вышел в поле — травы стелются,
Чаек гонит от реки,
Только мельнице не мелется
В две раскинутых руки.
Только звезды рассыпаются,
Только дума тяжела,
Только что-то вспоминаются
Два отброшенных крыла.

Поэт над братьями не княжит,
Он книги им читает вслух,
Молотит, стряпает, портняжит,
Он служит нянькою у слуг.
Для них штиблеты драит ваксой,
Белье стирает добела,
Питье заморское и яства
Несет на тридцать три стола.
Конюшню чистит и коровник.
Он служит сотни лет подряд.
Но только рот они откроют —
Его словами говорят.

Вот приехал я деда проведать,
А застал самануху пустую.
Вот приехал я к матушке в гости,
А застал муравьиное царство.
Вот назначил я встречу подружке,
А пришла на свиданье береза.
Белолица она, черноброва,
Мастерица выманивать песни,
Укрывать одеялом лоскутным,
Обнимать молодыми корнями.

Вставало утро. Было сыро, тихо.
Не суежилась ни одна душа.
Отбитая от стаи журавлиха
Успела дотянуть до камыша.
Грачи скрипели в роще тополиной,
И оседали старые стога,
И облако проплыло над долиной,
И в той долине умерли снега.
Среди полей дотаяли туманы,
Остыли звезды в синей вышине,
И в глубине земли проснулась мама,
Чтоб долго-долго думать обо мне.

Ты поверь в меня, старый тополь,
Старый тополь — лепные морщины.
Ты ушами меня не прохлопай:
Я приду — тебе выращу сына.
Ты поверь в меня, угольный скворушка,
Говорящий по-человечьи.
Я приеду — усталый ли, хворый ли —
Сколочу тебе новый скворечник.
Ты поверь в меня, дом бревенчатый,
Дом под крышею красноперой.
Поднимусь на крыльцо, на крылечко я —
Будут плечи твоею опорой.

Ты поверь в меня, сердце усталое,
Постучись наяву ли, во сне ли.
Я взамен ничего не пожалею,
Просто оба мы станем сильнее.

* * *

Перед праздниками праздники кончаются.
Просто хочется подумать, покурить,
Да печали выпить маленькую чашечку
И стихами никогда не говорить,
А писать письмо бы, длинное, спокойное,
Всем друзьям, и чтоб ни тайны между строк.
Да в бору, где тишина, как между войнами,
Слушать дятлов и не вспугивать сорок,—
И, невольно отрешаясь от печали,
Слышать запах перемерзшего сенца,—
Видеть жизнь свою от самого начала
И до самого, до самого конца.

27

МАЙЯ НИКУЛИНА

Окончила филологический факультет в 1968 году. В 80-е годы руководила литературным объединением при УрГУ. Автор книг лирики "Мой дом и сад" (1969), "Имена" (1979), "Душа права" (1983), "Колеса" (1983), "Бабуя трава" (1987). Член Союза писателей России.

* * *

Покатые крыши да розовый лес,
да дождь, да туман, да тоска ниоткуда,
но только восторг, ожидание чуда...
(А в жизни совсем не бывает чудес).

Но вдруг тебе ставят на крашенный стол
горячую кружку дремучего чая,
тяжелый ломоть не спеша отрезают—
и вроде светлее, и дождик прошел,

и вроде запели на том берегу
тягучую, старую, длинную песню,
и слов не понять — и душа не на месте,
не звали, а я уж из дома бегу.

По грядам, по мокрой ботве — до ворот,
лететь к перевозу — скорее, скорее,
пока тебя холодом ночь не огреет
и черным молчанием спесь не собьет.

* * *

Утро подымет косяк журавлиный,
и зацветет золотая долина.
Станут длиннее и снова короче
белые ночи и черные ночи.

В песне поется и в жизни ведется —
он уезжает, она остается, —
подстерегла нас година лихая:
милого друга в поход провожаю.

Так далеко, что любовь не догонит,
самый дозорливый глаз проворонит,
за поворотом дорога застонет,
ночь безответные росы уронит.

Так далеко, что ни силы, ни стати
не наскребу по сусекам и крохам...
Разве что жизни единственной хватит,
если бежать до последнего вздоха...

* * *

Сентябрь обступает. Сгорает душа.
Уходит в тепло поднебесная птица.
Пустеет дорога. И жизнь хороша,
как утренний скверик из окон больницы.

Счастливой была и богатой была —
в свирельку свистела и в дудку играла,
построила дом и дитя родила...
Мудрец говорил, будто этого мало,
а я его, глупая, все попрекала
гордыней...

А тут и сама поняла.

Осилила ночь и встречаю зарю,
иду по исхоженной белой дороге,
и камню, и дереву кланяюсь в ноги.
— Ну как ты живешь? —
— Хорошо, — говорю.

Уж так хорошо, что скорбеть и тужить
по бедам обыденным не успеваю,
что радуюсь, смертную боль зажимая,
уж так хорошо, что еще бы пожить.

* * *

Я пишу ниоткуда, потому что живу нигде,
я забыла твой адрес, но письма еще доходят,
ни жива, ни мертва, не сгорела в лихой беде,
потерялась, как серый солдатик в ночном
походе.

Моя долгая верность выцвела, как платок,
мое юное горе прошло — и уже не жалко,
я прошла за тобой столько ближних и дальних дорог
зимней птицей, жилицей, ночежницей и постоялкой.
Рядовую, уже никакую мою беду
непростительно было б вместить в наградные списки —
только в общую землю, под небо, ветлу, звезду,
и уже никогда под строгие обелиски.
Прожила — ты скажешь. Не знаю. — Прошли года,
проводжала, встречала, жалела, была, сказала,
и останусь нигде, ниоткуда, сейчас, всегда
незаметной подробностью станции и вокзала.

* * *

Прощание. Голос трубы.
Рукою машу через силу —
такая обида, помилуй,
легко ли так сразу забыть...

Такая прекрасная жизнь.
Такое огромное лето.
Такая любовь... Обернись,
уверуй в нее напоследок.

Уверуйте, сделайте вид,
что вам хорошо и счастливо,
засмейтесь, замрите на миг
на фоне горы и залива.

И пусть я пройду под конец
на этих веселых поминках
под стоны трубы и волынки,
зубами зажав бубенец.

Как будто я снова люблю
и небо, и дальние дали,
как будто я вас веселю,
а вы и взаправду не знали,

что это фотограф-мастак
услышал отбой за горами
и сделал сознательно так,
чтоб я получилась не с вами.

ВЛАДИМИР КОЧКАРЕНКО

(1940 - 1976)

Выпускник филологического факультета 1964 года. Автор трех книг стихов, изданных в Свердловске и Москве.

МОЛЕНИЕ ДОРОГЕ

Я снова домой после долгих скитаний вернулся.
Дорога, как старая шкура, легла за порогом.
Но прежде, чем в дверь постучать, я назад обернулся:
спасибо, дорога!

У этих скрипучих ступеней пока обожди, полежи,
я дома побуду, очухаться надо немного.
За горькую веру, за боль ненасытной души
спасибо, дорога.

Спасибо за жажду, за холод и духоту,
за сбитые ноги, за пылью покрытые плечи,
спасибо за друга, дорога, спасибо за ту
подругу, чью щедрость мне даже отдавать нечем.

С тобою мы вместе срывались и в гору ползли,
нам штопали матери рваные локти рубашек.
Ни лет и ни сердца не жалко, дорога, возьми.
Пусть кто-нибудь только с надеждой вослед нам
помашет.

В целебную пыль твою снова шагаю с крыльца,
мы вместе, дорога, пусть шаг то широк, то короток.
Где наша разлука? Где наше начало конца?
За тем поворотом? А может, за тем поворотом?

Безмерная жизнь над тобою звездой светит,
бездомное небо в кюветах твоих отражается.
А ты продолжайся, о, только опять продолжайся,
пока еще новою шкурой могу обрасти.

* * *

Зимой стихи о лете хороши,
они тихи, влюбленны и печальны,
покуда за окошком порошит
и падает на землю снег венчальный.

Коль нет любви, пишите о любви.
Такая целомудренность проглянет
из ваших самых потайных глубин,
перед любимой сердце оголяя.

О счастье спойте, если вы в беде,
нет выхода — пишите о свободе,
нет голоса, тогда хоть волком войте,
хромаете — попробуйте лететь.

Поэзия толкнется от земли,
как акробат, смешает землю с небом,
стихи сойдут с ума, как соловьи,
и станут солью, исповедью, хлебом.

* * *

Сидит на пне нахохленная птица
и думает, как зиму перемочь.
А на дороги синие садится
сияние мороза день и ночь.

И в окна, как в подставленные блюда,
по капле натекает лунный свет.
И снятся сны. И звуки раздаются.
И словно никого на свете нет,

чтобы пришел и все с порога понял.
Так было б славно помолчать вдвоем.
Он понял бы и молча рюмку поднял
за зрелость в скромном домике моем.

Не за мою — за нашу, время, зрелость.
Нет никого. И мы с тобой одни
сидим. А наша печка разогрелась,
и по поленьям прыгают огни.

Где наша юность, где тот день весенний,
когда друзья, ликуя от любви,
мне умно говорили о Вселенной,
а во Вселенной жили соловьи?

Ты, время, напрягаешься струною,
гудишь над миром, плача и звеня,
И нехотя встречаешься со мною,
грубишь, когда тебе не до меня.

А тут у нас избушка на опушке,
да синяя дорога впереди,
да птица на опушкиной макушке,
нахохлена от холода сидит.

Мои глаза глядят прямой и жестче,
совсем иным на свете дорожа.
Ты сложно, время. Но и я не проще,
чем тот, который юность провожал.

Садится снег на крышу и на ветви,
в окне снежинок белые мазки,
их наискось закручивает ветер.
Садится снег, чуть-чуть задев виски...

* * *

Сорваны гряды, пространства чисты,
ясный денек облачками залатан.
Спелый подсолнух похож на часы
с грифельным циферблатом.

Вечность не прячет своей ворожбы,
завтра осеннего света убудет.
Видишь — с подсолнуха воробьи
время выклевывают по секунде.

ЛЕТО СЕВЕРА

Ах, лето,
 куда торопиться?
Еще не насытись тобой,
закаты,
 как крылья жар-птицы,
в полнеба горят над тайгой.
Помедли на севере нашем.
Мы только очнулись в тепле.
Но лето
 закатами машет
за птичьими стаями вслед.

ИВАН-ЧАЙ

Вишнево-лилового цвета
вдоль линии тишина.
Цветет иван-чай. Вышина
прогрета, шмелями полна.
И пусть мне запомнится это.

Как облако, розово лето,
волною течет под откос,
пушистые кисти качая
цветущих полян иван-чая
и запах любимых волос.

Пусть в жизни не все удалось.
Откосы в цветах иван-чая,
обочины в нежном огне.
И сердце в тебе и во мне
болит от любви и печали.

Смотри же, нас снова встречают
деревья, тропинки, ручьи.
Бредя по цветам иван-чая,
мы даже и не замечаем,
как долго кукушка кричит.

ФЕЛИКС САЛИМОВ

Родился в 1941 году. Выпускник филологического факультета 1968 года.

ДОМА

И все —
 как в детстве все:
черемуха, поленья,
репейник,
под горой белеет озерцо.
В зеленых ставнях дом.
Но эти две ступени...
А было там
высокое крыльцо.

ЧИТАЯ КАРАМЗИНА

Русский русского бьет.
Долго.
Вдоволь.
Бабы, бабы у ворот.
Вдовы.

* * *

Там,
где на тихих полянах
алеет роса,
где в багряных затоках
качаются выси,
кто-то
 "Z + Z"
на песке написал...
Да только
ничего из того не вышло.

МАРК ЛУЦКИЙ

Родился в 1940 году. Выпускник химического факультета (1962). Автор двух стихотворных сборников.

ЕЩЕ ОДНА БЫЛЬ

...И к нам в тот год пришла беда —
Судьба и не сулила ведь поблажку:
Они явились ночью, как всегда,
И предъявили ордера бумажку.

Перевернули дом весь кверху дном
И что-то долго за столом писали,
Пошарили зачем-то за окном
И кочергой в печи пошуровали.

— А это что? — взяв с полки, молодец
Небрежно бросил книжечку на столик.
В ответ пожал плечами мой отец:
— Сергей Есенин. Самый первый сборник.

— Есенин? Тоже к делу приобщим.
Из царских лет хранится — не случайно!
— И так уже достаточно за ним, —
Листая книгу, выдавил начальник.

Он обыск весь в руках ее вертел —
Видать, натурой все же был потоньше...
...Отец "десятку" отбыл в Воркуте —
С Есениным, пожалуй, дали б больше.

НИКОЛАЙ КУЗИН

Родился в 1941 году. Окончил филологический факультет (1969). Автор семи литературно-критических книг, в том числе книги "Плещеев" в серии "Жизнь замечательных людей", а также сборника стихов "Решение" (1994). Член Союза писателей России.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Не знаю, Бог ли виноват
Или волшебник злой,
Но только мне не миновать
Проверки на излом.
Не знаю, выживу, умру
Или исчезну в скит,
Но только мой печальный круг —
На острие тоски.
Не знаю, нервный ход любви
Моей подвержен снам?...
Но только я тобой обвит
Навек, моя весна.
Не знаю, радость ли спешит
Или беда навзрыд,
Но только пение души
Уже ничем не скрыть.
Не знаю, в бешеной игре
Или "на дне" твой дар,
Но только будешь ты гореть,
Сиять, моя звезда.

ГЕННАДИЙ СЮНЬКОВ

Родился в 1940 году. Окончил факультет журналистики. Автор книги "Взлетная полоса" (1975).

* * *

Короткие мгновения
Тревожат память странно...
Село послевоенное
Залечивало раны.
Горя закатным пламенем,
Малиновые словно,
Лежали длинным штабелем
Ошкуренные бревна.
Летал фуганок, ухая,
И стучала стамеска,
И на плечах у пугала
Висел мундир немецкий.

* * *

Рубили лес. Летели щепки.
На землю падали стволы.
И птичьи стоны были тщетны —
Холмы и выемки — голы.
О, как далеко стало видно!
Какой открылся вдруг простор!
Над свежей вырубкой рябины
Пылает горестный костер.
И подступает на пределе
Предошущение беды.
О, как заметно поредели
Друзей и недругов ряды!
Один терзал меня, как Демон.
И вдруг замолк. Исчез во мгле.
И я спросил однажды: "Где он?"
И мне ответили: "В земле".
И опустив бессильно руки,
В печальный глядя оком,
Я вспоминаю, как о друге,
О бывшем недруге моем.

И оголенная округа
Приносит ворох горьких чувств,
Что я без недруга и друга,
Как в море челн, как в поле куст.

Железо и стекло.
Столичный Дом кино.
На улице светло.
В глазах моих темно.
Зигзаг людской реки
Над серою Москвой.
И черные венки.
И профиль восковой.
Ни говора толпы.
Ни шелеста машин.
Прощаются они —
Россия и Шукшин.
И грозно, как гроза
Над темными лесами,
Шукшинские глаза
Стоят перед глазами.
Глядят они в упор,
Земною болью мучась,
И сердцу — как укор
Их горькая колючесть.
Ступая тяжело,
Вхожу в людские волны.
Железо и стекло
Угрюмы и безмолвны.
Закутанная в снег
И жизни лишена,
Лежит, оцепенев,
Россия Шукшина.

БОРИС ЕФРЕМОВ

Родился в 1944 году. Окончил факультет журналистики. Печатался в периодике и коллективных сборниках.

ИЗ ДНЕВНИКА

Что-то стали мы правды бояться,
Словно правда бывает вредна.
Словно могут пыреем подняться
Сортовые ее семена.

Словно ложью в былом попускались
И теперь перед правдой хитрим —
Там, где надо сказать: "Просчитались",
"Кое-что не учли", — говорим.

И прореху заплатою свежей
Друг от друга стремимся прикрыть.
А ведь это в убыток себе же —
Вот о чем в самый раз говорить.

Ведь давно научило нас время,
Да и учит сейчас наперед:
Там, где правды не брошено семя,
Непременно неправда взойдет.

* * *

Пушкин! И время бессильно
Спорить на равных с тобой.
Вольно летит над Россией
Голос пророческий твой.
Лира твоя победила
Вечности мрачную спесь,
Строго века поделила:
Все, что до Пушкина было,
Все, что при Пушкине есть.

ИВАН МАЛАХЕЕВ

Родился в 1944 году. Окончил факультет журналистики (1969). Стихи публиковались в периодике и коллективных сборниках.

ГУБНАЯ ГАРМОШКА

Помню: маленький, лягу спать,
Папа с мамой —

еще молодые —
Говорят обо мне еле слышно,
Мама свет отвела от меня
И сказала, что я уже взрослый,
Что я все теперь понимаю
И мне надо купить

пальтишко —
Сколько можно,
все с брата, да с брата.
— И снегурки, — добавил папа, —
Отошла пора самоделок.
Нынче даже коньки на ботинках
У ребят городских — не редкость.
Я не вытерплю: —

А гармошку?
А гармошку, папа, губную?
Ну, такую же, как у Леньки,
Ты давно мне купить обещал!
Мама скажет: —

А спать не будешь,
Ничего тебе, сын, не купим!..
И я сразу тогда засыпаю.
А во сне

на зависть округе
Я по льду бегу всех быстрее,
И коньки подо мною сверкают,
И пальто на мне —

загляденье,
И играю я на гармошке!
На губной на той, на трехрядной!
Даже Баба Яга с Кощеем
Головами седыми качают.

СТАРЫЕ ЯБЛОНИ

Вымерзли яблони лютой зимой,
Сад опустел —
Как назвать его садом?
Сиро мне в домике нашем дощатом,
Маятно сердцу,
И сам я не свой...
Новые саженцы в силу вошли
И расцвести обещаются к маю...
Старые яблони я вспоминаю:
Старые вместе со мною росли.

ВЛАДИМИР ЗЮСЬКИН

Родился в 1943 году. Выпускник факультета журналистики (1968). Стихи печатались в периодике.

КОРШУН

Затянусь еще разочка два и брошу —
На меня косится что-то постовой.
В сером небе кружит черный коршун,
Кружит над моею головой.

Льется музыка из чьих-то окон,
Милая идет, рукою машет...
Кружит сокол в небе одиноко,
Улетать не думает он даже.

Нас уводит улица кривая,
В дом заходим, с детства мне знакомый,
Я балкона двери открываю:
Кружит коршун над моим балконом.

ЛЕОНИД ТЕУЩАКОВ

Родился в 1943 году. Выпускник факультета журналистики (1972). Публиковал стихи в периодике.

* * *

А по Руси когда поездишь,
поймешь однажды насовсем,
что мысли разгуляться есть где
и есть задуматься над чем...

У нас талантов не убавилось,
но только больно без конца
от чувства, что в груди у Бабеля
кусочек отчего свинца.

.

АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЕВ

Родился в 1946 году. Окончил физический факультет (1969). Автор книги стихов "Звезд рассыпанная соль" (Элиста, 1994). Член Союза российских писателей.

МУЖСКАЯ ЛОГИКА

Мне говорят: "Погляди, какой пейзаж!.." —
Я отмахиваюсь: что толку в эдакой красоте,
Если ее не видит
Моя любимая,
Которая сейчас
Далеко!

Мне говорят: "Отведай это блюдо!" —
Я отказываюсь: любая пища для меня пресна,
Если я не могу ее разделить
С любимой,
Которая сейчас
Далеко!

Мне говорят: "Посмотри какая девушка!" —
И я с удовольствием и с чистой совестью
Любуюсь красавицей —
Это единственное чувство,
Которое моя любимая
Разделить со мной
Не захочет!

Навылет, как в дни молодые,
Сердце прострелено болью:
Тогда это было любовью,
Сейчас — это стенокардия!

Бывало, что руки до стона
Заломит предчувствие счастья...
Тогда — от случайного слова,
Сейчас — за два дня до ненастья!

Но есть и за немочь награда:
Как глупо хотелось в те дни
Зеленых плодов винограда...
Лишь нынче созрели они!

* * *

Я, случалось, в друзьях ошибался,
Был обманут, повержен во прах...
Снова дружбе наивно вверялся
И, клянусь, был удачлив в друзьях!

Пусть не в ту и не так я влюблялся,
И глаза были слепы мои,
И во мнениях я заблуждался,
Но, клянусь, я был счастлив в любви!

Так и счастлив на этой земле,
Не пытаюсь угадывать масти,
Полновесно отмерив себе
То, что многие делят на части.

Полной мерой — любовь и вражду,
Нежность сердца и праведность слова...
Ничего, что я упаду —
Обязательно встану снова!

ВАЛЕРИЙ ЛУЗЯНИН

(1947 - 1970)

Студент философского факультета, был членом литературного объединения УрГУ. Посмертная публикация в сборнике "Свидетельство о рождении" (1971).

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

И покатали вдоль перрона.
Стучит, как жернов, колесо.
И гор лиловая корона
уже венчает горизонт.

И ветер в тамбур!
На подножку
присев, как будто на крыльцо,
хохочет сверстница —
прическа
ей заплескала все лицо.

А на полу
равно что боги —
впавалку, там, на облаках —
мальчишки вытянули ноги
и возлежат на рюкзаках!

Горит перо в тирольской шляпе.
Торчат наружу сапоги.
И на манжетах, словно запонки,
продеты в петли васильки...

Ночью в Расторгуево
ощупью во тьму
потянусь — и курево
с тумбочки возьму.

Слушаю, как хлябает
штора по стеклу.
От сыпучих яблонь
тени по столу.

Намело на крыши
белых лепестков,
словно кто-то крылышки
рвет у мотыльков!

Далеко до осени,
да ведь суть не в том:
сколь не плодоносим,
один раз цветом.

ЛЮБОВЬ ЛАДЕЙЩИКОВА

Выпускница филологического факультета 1975 года. Автор книг "Добрый свет" (1977), "Материнский час" (1980), "Полдень" (1983), "Рождение женщины" (1989), "День вечности" (1990), "Свеча негасимая" (1993), "Колыбельная тайна" (1994). Член Союза писателей России.

* * *

Я — женщина.
И, значит, у меня
На все своя особенная вера.
Всему своя особенная мера —
Длине волос, дыхания и дня.
И потому
Умею успевать,
И горевать, и радоваться сразу,
И знаю,
Сколько может длиться радость,
И сколько может времени отнять.

* * *

Из-под снегов, из-под валежника
Трава взошла.
Живу — упрямее подснежника,
Прямей ствола.
Не обижайтесь, сосны гордые,
Мой след забыв,
Что я — дитя большого города,
Его судьбы.
Плывет земля, в цветах сиреневых,
Звенит, поет...
А я живу в объятьях времени
Его забот.

Все мы, как лодки на причале,
Томимся с места не сходя,
Нас ветер в море звал вначале,
Но сник, немного погода...

Умчался ветер, буйный, встречный, —
У юности не вечен срок.
Мы, словно лодочки, беспечны,
А океан и стар, и строг.

Одних он мужеству научит,
Других затянет в тину лжи...
И все ж напрасно словом *участь*
Ты заменяешь слово — *жизнь*.

Хоть на мгновенье кликни ветер
Ушедшей юности своей,
Пусть раскачает сонный веер
Размеренных, спокойных дней!

ПЕРЕДЕЛКИНО

В домах, где собираются поэты,
И густо от стихов и книг, при этом,
Итог непредсказуем, как в лото...
...Я повстречалась с женщиною взглядом
И оттого, что та сидела рядом,
Спросила тихо: "Кто вы?" — "Так, — никто..."

Такой ответ услышать было странно.
Здесь гениальны все и постоянно
Мне чудится: лишь я тут — не нужна...
А женщина с улыбкою вселенской
И гордою застенчивостью женской
Призналась мне: "Я — мужняя жена..." —

И я — жена... Но у меня ночами
Свеча луны дежурит за плечами,
В ночи — острее слух и зорче взгляд...
А здесь — речей ленивых избылье,
И, кажется, писатели зыбыли
О чем-то главном — вспомнить не хотят.

Свою свечу я бережно лелею.
И о дневном призвании не жалею:
Быть матерью и мужнею женой,
И если время все-таки при этом,
Очнувшись, назовет меня поэтом, —
Знать, пробил час — стучаться в мир иной.

СВЕЧА

Вот это жизнь и есть — и ты не жди иной,
Не отводи глаза, и не ищи замены:
Вселенские поля пугают крутизной,
Сжимая кривизной артерии и вены.

Но это жизнь и есть. Сильней и горячей
Дыхание твое — дыхание созвездий.
Не загаси в себе божественных свечей, —
Душа развеет мрак на краешке от бездны.

И — снова будет жизнь! На звездное крыльцо
Она сойдет опять, чтоб встать с тобою рядом, —
Не отводи глаза. Взгляни в ее лицо:
Она глядит на мир твоим печальным взглядом.

Но это жизнь твоя. Не проклинай ее,
Не убивай ее безверием и страхом.
...Созвездья в небесах сияют, как белье, —
Взметнулись на ветру исподние рубахи,

Но это жизнь глядит из вечного окна,
Изношена до дыр, прокурена до неба...
Пусть будет навсегда — Земля, над ней — Луна,
Отрезала она и мне краюшку хлеба.

И жизнь благодаря, и я постичь хочу
Слияния светил и — противостоянья,
Чтоб в предзакатный час зажечь свою свечу
И передать тебе в минуту расставанья.

НИНА БУЙНОВА

Окончила факультет журналистики (1976). Автор книги стихов "Трава живая" (1991).

* * *

Время красит. Безвременье старит...
Без тебя — я в нигде, в никогда!
Ни медов, ни стогов и ни дома поставить:
Время встало — такая беда!

Не приносит вестей — не положено
Мне, оставшейся в слове *была*,
И лежат, в коридорчике сложены,
Два ненужных вчерашних крыла.

Не в поклон, не взмах и не маятно —
Жить никак — это хуже всего...
Строньте, кто-нибудь, с места мой маятник,
Отпустите качаться его!

* * *

Наконец-то снег повыпал,
Голубой-преголубой —
Кто-то ключик все же выдал
От небесной кладовой.

Ах, по снегу по такому
Не одной бы мне ходить
И с тобою — не люблю,
А твоей любимой быть.

Только выпито неспелым
Наше первое вино...
Голубому снегу — белым
Жить на свете суждено.

От несчастий отвыкаю —
Уж такая полоса!
Я кукушкой окликаю
Невзошедшие леса.

Окликаю, отмыкаю
Чистоокие ключи,
Нюх светлые скликаю
На сияние свечи.

Сини рекч нарекаю,
Горы-долы, как хочу...
Примыкаю, привыкаю
К позабытому плечу.

АНДРЕЙ КОМЛЕВ

Родился в 1947 году. Окончил филологический факультет (1989). Автор четырех книг стихов. Составитель книги "Слово о полку Игореве" (Свердловск, 1985).

* * *

Только если нагрянут... судьба не помирует,
Тыловое житье станет смерти черней —
за любимых,
что носят чужие фамилии,
и за свадьбы желанные их дочерей,
за тянь-шанские горы, уральскую осень
и еще за густую отцовскую проседь,
что сверкнула на фото полвека назад,-
в девятнадцать поручик,
а в двадцать комбат...

Если будет война, если это случится,
если все, чем дышалось, пойдет на излом,
я зажгу свою трубку, перекину страницу,
пожелтым письмом
заложу на потом...

* * *

М.Н.

Любимые на свете города.
Ты с ними расстаешься на года,
а впрочем, понимаешь —
навсегда...
Еще колеблет времени завеса
эгейский берег возле Херсонеса,
квартал с арыком
под звездой Востока
и двор-колодец
в двух шагах от Блока...
Уходит поезд. Даль из-за гряды.
По обе стороны рябит столетье...
А он один
с прудами над Исетью —
твой дом и дым.

**Из поэмы
"СИБИРСКИЙ ТРАКТ"**

Песня эта
на семи ветрах —
от протяжной по сердцу струны...
Двигается вперед
Сибирский тракт.
Главная артерия страны.

Звон — сквозь сон, сквозь стон -
суровой былью,
памятью обиженной земли -
дабы впредь
детей стращать Сибирью,
новых
по Владимирке вели...

И очнувшись,
мы справляем тризну,
проклиная тот размах в делах,
где уж не царизму —
сталинизму
нужен был концлаг-архипелаг!
Где в угоду
городу-заводу
костыли вколачивались в кости -
лес железа
жрет кругом природу
трубным трупным дымом
на погосте!...

Русские раздвинутые шири,
люди эти крупные, простые —
нынче сердцем не понять России,
не узнав воочию Сибири!
Так река большая
вольным руслом
через дали
мерит свой исток.
А славяне,
названные Русью,
издавна смещались на восток.

Шел Ермак, и ехали казаки —
кто остроги дальние срубил...
Декабристы,
ссылные поляки
состраданием близили Сибирь!
Может,
проводя их обозы
по этапам средней полосы,
самые высокие березы
отошли к Сибири
из Руси?

Русь сама —
под царским-ханским гнетом
стосковавшись
по большим работам,
за Уралом вырвалась наружу —
распрямила
сдавленную душу! —
отдыхала
мерзлые широты...

Нравственная наша магистраль.
Главная артерия страны.
Да, ценой живых сердечных трат —
той ценой,
которой нет цены...

АНАТОЛИЙ ПШЕНИЧНЫЙ

Родился в 1948 году. Окончил филологический факультет в 1971 году. Автор семи книг стихов. Член Союза писателей России.

ОТЕЦ

Когда опускались вечерние тени
И солнце садилось за холм вдалеке,
С братишкой садились к отцу на колени
Послушать о битве на Курской дуге.

...Солдаты вставали по красной ракете,
Свинец по броне барабанил, как град,
И папка —
Такой, как на старом портрете,
Карабкался к доту со связкой гранат...

Он нам о себе не рассказывал много,
Зато поименно припомнить могли
Мы каждого друга его фронтового —
И тех, кто вернулись, и тех, кто легли.

От майских салютов светлело в округе,
И, гордости звезды не пряча в глазах,
Мы шли и держались за папкины руки,
За крепкие руки в пустых рукавах.

ИСКАТЬ ВЕТЕР!

Вы послушайте, что он ответил,
Удивляя родных и друзей:
"В поле ветер искать,
В поле ветер ..." —
И махнул из вагонных дверей.

Он домашним ни строчки не пишет,
И ответили вежливо мне:
"Не вернулся. Наверное, ищет.
Позвоните весны через две".

Наконец, воротился весной он
И друзей, как бывало, созвал,
А про то, что узнал и построил,
Под гитару свою рассказал.

"Ну а как, — улыбнулся я, — ветер?
Решена ли задача в пути?"

Он в окно посмотрел и ответил:
"Не нашел.
Но намерен найти".

ОБЩЕЖИТИЕ

Общежитие мое, общежитие,
Общепетие, общепитие,
Общеспорие родное,
Общеядие,
Общегорие,
Общерадие!

Я как блудный сын —
От папы, от маменьки,
Я ж не слабенький,
Я ж не маленький!
Своему вздохнули вслед они созданию:
Ох, не испортило б —
Общеспание!

И с тех пор —
Без вкусных блюд
Обхожусь и я,
Внизу здороваюсь
С тетей Дусею,
И на окне с одной соседней фурией
До утра молчу —
В общекурии...

Но простился первый друг с нашим бытием,
И второй ушел
В двоежитие,
Вот и третий виновато мне вдруг
выпалил:
— В общем, встретимся,...

В общем, выпьем мы...

Но придут порою, шоркнув сандалием:
Мол, в двоежитии — поскандалили...
Общим мнением его мы,
Общим судием,
Общей памятью
Общелюдия...

Общежитие мое, общебытие,
Общепетие, общепитие...

Я БЫ ВСЕХ СОБРАЛ НЕ РАЗ

Вот собрать бы поскорей
Мне в единый круг —
Всех былых моих друзей,
Всех былых подруг!
Школьных, классных, курсовых,
Штатских, боевых —
Всех здоровых и живых,
Пусть не молодых.
Я бы двери растворил,
Встал бы у крыльца.
Те, кого я сам любил,
Шли бы без конца.
Я с утра встречал бы всех
До заката дня,
Меньше было бы, конечно, тех,
Кто любил меня.

Сорок ящиков вина
Приобретены,
Имена и времена —
Переплетены...

Я бы парусом пустил
Песню над струной.
Те, кого я сам любил,
Пели бы со мной.
Кто смычком, а кто значком
Помогал, звеня.
Но сидели бы молчком,
Кто любил меня...

Я такой же, как и был
В давние года!
Те, кого я сам любил,
Подтвердили:
— Да!

Я по-прежнему в родстве
С каждой из планет!...
Только те, что в меньшинстве,
Ни словца в ответ...
Я бы всех собрал не раз
Вместе у огня...
Если б не боялся глаз
Тех, кто любил меня.

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1947 году. Выпускник филологического факультета 1971 года.

ОСЕННЕЕ РАССТАВАНИЕ

Ах, какие листопады! Помяни их на прощание.
Перепады эстакады — лент дорожных водопады.
Мы прощались с должным тщанием.
Ты в платочке сине-белом, вся — заученная грусть,
С личиком пустынно-серым,

словно выпачканным мелом.

Коломбина... Нет, Мальвина...

Или так: Марина Круст.

Имена—лишь знак условный.

Кто ты есть — никто не знает.

Понимаем с полуслова:

кто ошибся, кто прав снова.

Всякий делом своим занят.

Вот и мы все завершили, все уладили любовно.

Только в горле запершило,

когда с воем юзом шины

По асфальту потащили, как на бойню.

Так быка на бойню тянут.

Чует, бедный, час последний,

Что сегодня в Лету канет, и, веревками затянут,

Упирается копытом: след по следу.

Лакированное чрево и меня сейчас поглотит.

Смущена ты, королева, библейская Ева

(Дефиниции условны).

В непрерывных листопадах

чертишь вечный знак прощальный.

О языческая радость прошуметь листьями сада

В ритуале обручальном!

А листы струят сиянье.

Вот один из них сердечком

(Тополь? Клен? А может, ясень?)

В паутинке жилок красных

на платке твоём зарделся...

ОЛЬГА ГОРИЦКАЯ

Окончила химический факультет (1975). Публиковалась в центральных и местных газетах и в коллективных сборниках.

Есть старые друзья,
Хоть молоды мы сами.
Есть близкие друзья,
Но даль за адресами.

Доверен общий сбор
Конвертам почты скорой,
Где дружеский укор
Предстанет вдруг опорой.

Судьба добра стократ,
Имущества не множа,
И редких писем клад
Мне всех богатств дороже.

И старых мы друзей
Не потому ль так ценим,
Что юности своей
В лице их не изменим?

Кровно с лесом родниться
Человек не отвык —
Ведь не зря говорится
О корнях родовых.
Век его чин по чину
Принимали в себя
Колыбель, домовина,
И челнок, и изба.
Дуб могучий из песни
В чистом поле вставал...
И подругу, невесту
Он березкою звал.

Коль враги угрожали
Материнству земли —
Как лесные пожары
Бушевали бои.
Люди огненных судеб
В них легли, как зерно,
Веря — пусто не будет,
Прорастем все равно.
Прорастем, не повянем.
И хоть самым простым
Добрым словом помянем,
Добрым делом почтим.
Не пален, не увечен
Под разбегом небес
Пусть останется вечен
Человеческий лес!

* * *

Хорошо родиться летом,
В полынный дождь, в пуховый зной,
Начать знакомство с белым светом,
Когда не белый он — цветной.

Наряд прибереженный вынув,
Лес земляничен и малинов.
На рубежах лесных скучая,
Не гаснут свечи иван-чая.

За синей речкой — пестрый берег,
Где от рассвета до темна
Качают травы в колыбелях
Еще грудные семена...

СВЕТЛАНА ЯНИЦКАЯ

Окончила факультет журналистики (1976). Стихи публиковались в периодике и коллективных сборниках. Автор книги рассказов "Прощеное воскресенье" (1991).

* * *

Суббота в детстве праздником была.
...Уже темно, и мама торопила,
и за руку по улице вела, —
на клубной сцене ставили Шекспира.

Какие страсти и какие там слова!
Одета мама в платье Дездемоны,
а с нею кто-то черный, незнакомый,
и странно мне, и кругом голова.

Бедой и пылью пахнет реквизит.
Ошибка, ложь, случайность — все огромно.
И черный мавр над мамою стоит:
"Молилась ли ты на ночь, Дездемона?"

А в городке стирали и пекли,
варили впрок варенье из калины,
и сколько летом сгнуло в пыли
безропотных, бездарных георгинов.

О чем ты, мама? Что так смотришь странно?
Как лик твой бледен и глаза чисты,
когда Джульеттой, Катериной, Жанной
с кошелкой на базар уходишь ты.

Опять дожди. Провинциальный быт.
Опять дорогу скользкую размыло.
Но что ей будни, грязь! Она взлетит
и воспарит над тесным, сонным миром.

И вот уж новый понедельник начат,
но я еще субботою живу.
А мама у окошка снова плачет
и говорит: "В Москву! В Москву! В Москву!"

ЦВЕТАЕВА В ЕЛАБУГЕ

Забылась река до рассвета
в тяжелом несправедном сне.
Глухие заборы — на этой,
а двери — на той стороне.
И где бы ни зваться поэтом,
в России, в другой ли стране,
ей снова чужбина — на этой,
отчизна — на той стороне.
Ни друга, ни слова, ни света,
ни ветки в открытом окне.
И гибель причалит на этой,
а слава — на той стороне.
— Неужто не будет ответа,
не будет прощения мне?
— Скажи! Мы услышим на этой,
хоть скажешь — на той стороне.

ЕЛЕНА ЗАХАРОВА

*Выпускница факультета журналистики (1976).
Публиковалась в коллективных сборниках и периодике.*

СТАРЫЙ ДОМ

Этот дом для нас был целым миром,
Мы такого намечтали с ним –
По благоустроенным квартирам
Половины не осуществим.
Пироги пекли в печи голландской,
Жгли на общей кухне керосин,
И казался современной сказкой
"КВН" на три семьи один.
И росло нас в этом доме трое,
Лет послевоенных ребятня...
Если б детство выпало второе,
Вряд ли было б лучше для меня.
Потому и нянчили нас много,
Что у мамы каждого из нас
И для своего, и для чужого
Находился нежности запас.
Ими обихоженные дети,
Не умея букв еще прочесть,
Знали мы, что не одни на свете,
Что у нас соседи рядом есть.
Здесь остались куклы и тетрадки,
Погремушек звонких бубенцы,
В незабытой нами коммуналке
До сих пор меняются жильцы.

РАИСА АБЕЛЬСКАЯ

Выпускница физического факультета 1978 года. Публиковалась в периодике и коллективных сборниках.

МОЙ ГОРОД

Мой сумрачный город меня сторонился,
Глядел исподлобья, заденешь — бранился.
Как старец угрюмый раскольничьей веры,
Хранил он от пришлых свое божество,
И стали глаза мои серы,
Как серое небо его.

В гриппозном тумане январских закатов
Он каркал злорадно, как ворон горбатый,
И, руки вздымая в моленьи угрюмом,
Закрыв он полнеба своим рукавом,
И стали черны мои думы,
Как тени от крыльев его.

Что смотришь, раскольник, мне душу терзая,
Скрипишь по-вороньи: "чужая, чужая"?
В бреду мне казалось — весь мир одинаков,
Порву твои путы, уйду не любя!
Но нет, не стереть твоих знаков,
Я жить не смогла без тебя!

Я вижу во снах, что очистились дали,
Что когти ночей мое сердце разжали,
Вот город мой к небу лицо запрокинет,
Забудет воронье свое колдовство,
И станут глаза мои сини,
Как синее небо его!

МЫ ЛЕТИМ В ТИШИНЕ

Мы летим в тишине,
Бесприютные двое,
Глядя в лица теней
Сквозь стекло ветровое,
Ни звезды, ни свечи,
Ни дыханья в тумане...
И водитель молчит —
Только курево тянет.

Сколько лиц дорогих
Канет в ветре бессонном,
Сколько нитей тугих
Оборвется со стоном.
Ни в глаза поглядеть,
Ни губами коснуться —
Все лететь и лететь
Без надежды вернуться.

Защити, обними,
Мой товарищ бесценный, —
Вот мы бьемся одни
В паутине вселенной.
Наше время течет
Сиротливо и немо,
А водитель — не в счет,
Он бесплотен, как демон.

Он почти что незрим —
Чья-то злая причуда! —
О, куда мы летим
И зачем, и откуда? —
Он молчит, как немой,
Нас увозит от дома...
Почему я с тобой?.. —
Мы почти незнакомы.

Расплываясь в окне,
Серый снег расставаний
Станет болью во сне
И слезинкой в тумане.
Серый блеск автострад
Тронет лица тревожно,
И так близок ты, брат,
Что задеть невозможно.

СВЕТЛАНА ТАРХАНОВА

*Выпускница факультета журналистики. Автор
двух книг стихов.*

* * *

Сперва так наивно и вольно жила,
Как в поле трава и как в речке водица...
Осилила смерть — стала жизнь тяжела,
Осилила жизнь — и смерть как сестрица.

Теперь каждый шорох родимой земли
Зачем-то ловлю, берегу, понимаю,
И тяжело сквозь мертвую толщу зимы
Прозревшую душу свою пробиваю.

И радуюсь тише — опять родилась,
Взошла над погостом, утратою, пашней...
Но с каждой былинкою кровная связь
Острей и короче, дороже вчерашней.

И руку, и душу уже не занести
В пылу пустяка на родимое племя.
И вдруг обретаешь себя, свою честь,
Судьбу обретаешь, Отчизну и время.

* * *

Помоги, осеннее приволье,
Обрести покой среди людей.
Помоги ты мне, пустое поле,
Примириться с участью моей.

С этой окаянною отвагой
Быть собою: все, что есть, отдать,
Умирать, как снег на дне оврага,
И зерном сквозь толщу прорасти,

Наливаться от дождя и света, —
Чтобы вновь себя опустошить...
Как черна земля на склоне лета!
Как светло и как тревожно жить!

Как грустна осенняя неволя, —
Сколько было песен и дождей!
Как велико ты, родное поле,
Неизбывной щедростью своей.

* * *

Дуб потемнел. Но посветлела рожь.
Нахмурились леса. Уходит лето.
И в сердце унялась былая дрожь,
Та, что тревожит, но не даст ответа,

Так что мешает быть счастливым нам?
Лицо свое мы опускаем долу
И молимся не солнцу и цветам,
А полю с рожью, и рукам, и дому.

Трава, что буйствовала, — собрана в стога.
Любовь, что песни пела, — молчаливей.
Краюха хлеба. Крынка молока.
Что может проще быть и справедливей?

Нам тайну жизни этой не понять.
Нам силу жизни нашей не измерить.
Хлеб сеять, плакать и детей рожать,
Ждать новую весну. И снова — верить.

ЕВГЕНИЙ ЗАШИХИН

Родился в 1953 году. Выпускник филологического факультета (1975).

ЮВЕНИЛЬНОЕ

Очень грустно сегодня
пить холодное пиво:
это ж в печени камни,
это — в горле ангина.

Словно, бросив: "Пора мне!", —
ухожу от любимой,
увидав за горами,
как пройдет юность мимо.

Так старение чувствуют:
стану толстым, плешивым...
Мне всегда очень грустно
пить холодное пиво.

Может, все это мнимое
и ты — в общем — красива.
Так не выпить ли, милая,
нам холодного пива?

Но внутри что-то дрогнет,
станет так сиротливо.
...Очень грустно сегодня
без холодного пива.

АДРИАТИЧЕСКОЕ

Лишь очки оставив из одежды,
на одном из местных берегов
по песку иду, шагая между
голых баб и голых мужиков.

И вдруг, в воде предельно чистой,
самой чистой из морских водиц,
плавают нудисты и нудистки,
белизной сверкая ягодиц.

А за мною, стайкою стыдливой,
наша задувает ребятня,
прикрывая, местным всем на диво,
место, где у них, пардон, мотня.

Раз прошлись — и прочь давай скорее:
я едва лишь только не бегу.
Ну, а попу я потом согрею —
в русской баньке веником ожгу.

МЕМОРИАЛЬНОЕ

Не быть ни другом, ни любовником,
не ревновать, не целовать...
Скажите, девушка, в Дубровнике
не приходилось Вам бывать?

Такое сходство видеть странно,
порой не верится очам:
в хрустальной зелени Ядрана
Вы не купались по ночам?

Все те ж глаза и те же волосы
и та же вскидка головы...
"Мадам, — вскричу я, дрогнув голосом, —
так неужели это Вы?

В ответ молчанье. Как терновником
ожгли распятого Христа...
Жаль, что Вы не были в Дубровнике.
Там есть отличные места.

ОЛЕГ БАЛЕЗИН

Родился в 1955 году. Выпускник факультета журналистики 1981 года. Печатался в периодике.

ЛЕТНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Бульвар прогрет,
и оттого-то вечер веет.
Нет ни одной не занятой скамьи.
И сладок путь по призрачной аллее,
Где сигареты,
будто светляки.
Духи дохнут,
заденет ситец легкий,
И незнакомец
гордый, как пират,
Причалит лакированные лодки
К тем вольным босоножкам у оград.
Фонарь в листве
дарует тополям
Тропическую сочность
и, пробившись,
Наполнит взгляды
встречных прохожан
Мерцаньем влажным
перезревших вишен.
Как сладок путь,
беспечен и игрив,
И нет конца аллее,
слава богу.
Вот так и жить,
насыстывать мотив
И воздух, как цветок,
ноздрями трогать.
И к вечеру,
свободу обрета,
Простить полдневный жар
и холод утра,
И время
даже тени
от тебя
Достать не сможет,
тропки перепутав.

ЮРИЙ КАЗАРИН

Родился в 1955 году. Окончил филологический факультет (1981). Автор книг стихов "Погода" (1991) и "После потопа" (1994). Член Союза писателей России.

* * *

На ветер засмотрюсь, на сад, бегущий скопом,
где осень в листопад оглаживает дом.
В эпоху между пеклом и потопом
мы хорошо, душа моя, живем.

С утра скрипит от инея фрамуга —
и дышит чернозем, подножный лед круша.
А ровно в полдень к нам погода с юга
придет — и улыбается душа.

И дочь моя легко поет и горько плачет.
И мать моя несет развешивать белье.
И в пять минут меня любовь переиначит
На времена безмерные ее.

Теперь не уступлю ни пеклу, ни потопу
моей души рабочий монастырь,
мой азиатский дом с воротами в Европу
и огород с простором на Сибирь.

* * *

Я прижался к тебе — и земля побелела,
потому что я скоро отсюда уйду.
И на кладбище глина моя занемела,
и для саженцев ямы готовы в саду.
Я уйду, и другому расскажет вдова,
как я не отличил плоскодонку от гроба...

А в Сибири росли даровые дрова,
и глядела в Сибирь голубая Европа.
И сороку трепал перебор поговорок,
и потели грибы в моховую кошму.
Над рекой от росы зачесался пригорок —
и поэтому я пробежал по нему.

Только глаза отогрею,
с валенок снег обобью,
сердце прихватит за дверью.
Я в темноте постою.
Прямо с мороза, с трамвая
долго отходит рука.
Долго я дверь открываю -
гость и прохожий пока.

В комнате свет законный —
сумрак за светом твоим.
Так выгорают иконы
пламенем светло-живым.
Бросится в зябкие ноги
прежняя твердь бытия...

Мама, прохожий с дороги —
это, наверное, я.

В том месте, где душа
донашивает тело,
ни хлеба, ни гроша,
ни Бога, ни предела.

Вся кость пошла на крест —
крестец апрельской плоти.
И высятся окрест
дожди в мужской работе.

Не ливень, а нахрап —
по яблочко в колодец.
На свете столько баб
с глазами богородиц.

Отнимешь от земли
такую росмаху —
и тихо до петли
на сердце рвешь рубаху.

За городом пахнет землею рука —
дождем, воробьиной постелью.
Там черную речку два-три мужика
до дна выпивают с похмелья,

За городом женщиной пахнет земля
и стелется небо — до Бога.
И кровь, умирая, дает кругаля —
такая под шкурой дорога.

За городом ближе заплечная дрожь —
такая у неба работа,
где в теплые зубы как льдинку берешь
седое крыло самолета.

За городом вечно прищурен простор —
и прашура око нетленно.
И в озере множится синий топор
и лунное колет полено.

За городом ветер — как ветер в башке,
и — белая вечером птица,
где в сумраке первом, как шило в мешке,
сквозная звезда не таится.

ЕВГЕНИЙ КАСИМОВ

Родился в 1954 году. Поступив в 1976 году на филологический факультет, позднее перевелся в Литературный институт. Стихи и рассказы печатались в периодике и коллективном сборнике "Нехорошая квартира" (1992).

СИГУЛДА

Уехал снова на дальний хутор —
зачем, не знаю — промозглой осенью.
Мерцали около лесного озера
дороги желтые холодным утром.

Сады, пропитанные светлым ядом.
И запах прели — густой, настойчивый.
И ветер с Балтики, как нож отточенный,
срезал последние гирлянды яблок.

На сеновале пылью сладкой
дышал и слушал ночную изморось,
как слабо дышит живая изгородь,
как рвут деревья корнями кладку.

Покрылся лес ледяным налетом.
И небо рухнуло снегопадами —
совсем неожиданно, совсем нежданно, —
тогда просиживал у печки теплой.

Сияло яблоко на постели.
И ближе к полночи, в погоду вьюжную,
стоял в переплете рам простуженных
и видел: яблони цепенели.

Ручьи у дома не замерзали.
С ведром греющим по узкой лестнице
сбегал и думал, все перемелется,
все образуется! — так мне казалось.

Тянулись медленно мои недели.
В стакане таяла льдяная ягода.
Какие в Сигулде крутые яблоки!
Да только их ни с кем не разделишь.

* * *

Построен дом — конец моим трудам!
Еще смола не высохла на бревнах,
И руки помнят тяжесть топора,
И дом горит некрашеною кровлей.
Неторопливый ласковый сквозняк
Гоняет стружку влажную по дому,
Листвы осенней слабая возня
Все будет продолжаться до потемок.
Я посадил три яблони в саду,
Бог даст — и примутся, и вглубь уйдут корнями.
Однажды утром я с крыльца сойду —
Услышу: осень яблоки роняет.
И вот настанет долгожданный час,
Когда за дверью пасмурно и сыро,
А в доме ровно теплится очаг,
Полно в корчагах пенистого сидра!
На скатерть из льняного полотна
Кувшин с большими кружками поставлю,
Нарежу хлеб и сяду у окна
Встречать друзей старинных и недавних.

ВИКТОР СМИРНОВ

Родился в 1957 году. Выпускник филологического факультета 1979 года. Стихи печатались в периодике.

Из книги "СИРЕНЬ"

Как темный сад, полный печали,
облился теплыми слезами!
И выберется ли, не чаю,
из этих мокрых майских западнь?

И в светлых туфлях по дороге,
лежащей в дождевом припадке,
пройти смешно, находка броду
покажется невероятной.

На следующее утро в каплях
так запалило, засветило,
что и смотреть нельзя без кашля, —
ознобом солнечной крапивы.

АНДРЕЙ ТАНЦЫРЕВ

Родился в 1957 году. В 1979 году окончил филологический факультет. Печатался в периодике России и Эстонии.

* * *

Старческое небо, сыроватый снег.
На горбушку хлеба голубей набег.

Белые деревья, белый тротуар.
И дыханье белый образует пар.

До зимы неделя, но уже зима.
Снова до апреля мерзлая земля.

Хорошо б на лыжи, палками частить.
Иль занять стихами зимние часы.

Подогреть портвейна, закурить табак.
И зажить келейно с книгой "Пастернак".

НА ТЕМУ ГРУЗИИ

Горячий край, Италия России,
приманка для охолодевших северян.
Здесь столько сладостных и чистых лоз взрастили.
Соленый сыр, кувшин, рубиновый стакан —
традиционный облик сельского застолья,
доверчивая живопись Нико,
и марево блистающего моря, —
все так, все так, наивно и легко.
Но если обойтись набором благ кавказских
и снимком памятным на фоне этих гор,
то как узнать под арамейской маской
родное мне, как возлюбить Гомбор?
Где сердцевина музыки гортанной?
И был ли он вообще переведен
вобравший просторечие страданий,
орнаментальный сладостный колон?
Внеся в стихи известные приметы,
ты оттолкнулся от примет затем,
чтобы сказать, что Грузия не спета
ником из русских, а Россия — кем?

ПОСВЯЩЕНИЕ СВЕРДЛОВСКУ

Этот смуглый, горячий, разъедающий зной,
это дробное солнце в увядшем фонтане,
этот жалкий шашлык на тягучей поляне
голубого асфальта теплицы стальной.

Город мнимый, и свой, и голодный, и вязкий,
на чикагский манер хамовато-прямой,
ты, убивший царя и не знавший фугаски,
ты, проклятый, живой, говорливый, немой!

Этот оползень грузный чугунного века,
магматическим жаром обдавший меня,
пламенеет под коркой, как темная нега,
как тягучий зародыш замного огня.

Это нега вражды к иноверцу и злу,
воплощенному в кривде партийного горя.
Я прожил в тебе вечность, мгновению вторя,
осязая горячего зева хулу.

* * *

Как много стихов о врагах,
как мало стихов об отчизне,
троллейбусах, птицах и жизни,
о женщинах и о цветах.

Как кормится разум разладом —
и смятой душе невдомек,
что рядышком с Дантовым адом
дурашливый блеет раек.

Забыты и годы и броды,
и версты опять не видны.
Расколоты тяжкие своды
великодержавной страны.

Но в светлом теченье небес
купается слабое око.
И хочется жить так высоко,
что падают слезы в замес.

ИГОРЬ САХНОВСКИЙ

Родился в 1958 году. Окончил филологический факультет (1981). Автор книги стихов "Взгляд" (1988).

* * *

Старуха апельсин несла с базара
и с жадностью, почти не очищая,
как яблоко пыталась грызть его.

Но только брызгал, растекался сок
по пальцам и коричневым морщинам,
по кофточке голубенькой, воскресной.

Я с высоты шести неполных лет
смотрел с бездарной жалостью и думал:
"Наверно, нету мамы у нее..."

ПЕСНЯ

Не успеть нам за собой.

Подождем.

Как торопится сад под дождем,
как сутулится страсть по утрам,
как земля тяжела и мудра.
Эта правда понятна до слез —
мы растем не по дням — по траве,
по шагам и утратам.

(Проверь,

на кого же ты душу занес?)

Подождем горевать,

подождем!

Как торопится сад под дождем,
как сутулится страсть по утрам,
как земля тяжела и мудра.

И душа за скворечник, за дом
принимает любую ладонь.

И смущенно на землю глядит,
не догадываясь,

что — летит.

Мне имя собственное странно,
так и не понятое мной:
как будто князь на поле бранном
лег

к мирозданию спиной.

Лишь месяц молодой умылся,
забылся князь, умчался конь...
Звук разлучается со смыслом,
как меч, покинувший ладонь.

И все звала княгиня:
— Игорь,
найди ко мне обратный путь!..
И ночь, как вражеское иго,
наваливалась
ей на грудь.

Я так давно тебя люблю,
что, если б жизнь
равнялась морю, —
за Одиссеевой кормою
пришлось бы мчаться
кораблю.

В тот город, где рассвет встречают
и снова ткут —
на верность и на риск.
И я уже почти не различаю —
где ты, где я,
когда мы начались.

* * *

Лесные яблони цветут не для кого-то
и не для наших ненасытных глаз.
А подглядишь: у них одна забота —
жить набело — не завтра, а сейчас.

И нас с тобой такая страсть, беда такая
свела на многолюдном пяточке,
что жизнь и смерть — почти накоротке.
Они друг другу явно потекают.

* * *

В пластах черноземной тетради
мы все подписались давно:
копить свою жизнь — или тратить.
А третьего здесь не дано.

В погоне за скоростью света,
увидев над пропастью свет,
боимся, что песенка спета.
И песни поэтому нет.

А есть — только круглые сутки...
Я знаю, что страх — это та
тупая заноза в желудке,
защитная честь живота.

Все то, что рискуем утратить,
нам только в пространстве дано.
В пластах черноземной тетради
поставлена подпись давно.

А время, бездонное время,
поет и грохочет в ушах.
Я сбросил бы долгое бремя,
но гибнет без ноши душа.

АРКАДИЙ ЗАСТЫРЕЦ

Родился в 1959 году. Выпускник философского факультета (1981). Автор книг стихов "Пентаграммы" (1993).

* * *

Обогащенье сулит обнищанье —
Это кольцо не имеет просвета.
Хочется верить, что не на прощанье
Наша прекрасная песенка спета.
Хочется в лунных продуманных фразах
Двигаться долго, до Нового года.
Полно, не надобно неба в алмазах —
Что за, ей-богу, холодная кожа!
Хочется видеть не строй и не стадо,
Не индустрии железо и масло —
Лица в ветвях непролазного сада,
Грудью припав на плетеное прясло.
Хочется верить, и хочется видеть,
Двигаться, вовсе не ведая боли.
Видимо, я не смогу ненавидеть —
Стало быть, стану любить поневоле.
За обнищанием обогащенье
Шествует самодовольно и чинно.
Хочется верить, что наше спасенье
Безотносительно и беспричинно.

* * *

Призрачен мир: у заснеженных гор переправа —
Хрупкой дугой изогнулся бамбуковый мост.
Призрачна жизнь: мимолетны богатство и слава.
Истины свет беспощадно спокоен и прост.
Надо бы жить наслаждаясь обычной заботой —
Хворост собрать и взвалить на себя, увязав.
Мимо господ, увлеченных кровавой охотой,
Мирно шагать и дышать от мороза в рукав.

НАФТАЛИН

Табарен говорил:

"Нафталин — это шар;
в глубине сундука
ядовит он и светел".

Со слезами во рту

Франсуа возражал:
"Нафталин — это бог,
нафталин — это ветер!"

Не полуночный шаг и беспечный ночлег,
Не настой водяной на серебряных ложках,
Не больной, не апрельский, не сумрачный свет
За булыжной стеной на садовых дорожках.
Табарен говорил:

"Нафталин — это смерть;
погостил и пропал,
и никто не заметил".

Франсуа закричал Табарену:

"Не смей!
нафталин — это бог,
нафталин — это ветер!"

Не стеклянный озноб и размеренный бред,
Не передника в красный горошек тряпица,
Не удара, не крови, не судорог след,
Что в песке оставляет подбитая птица.
Табарен говорил:

"Нафталин — это ложь;
он глаза затуманит
и голову вскружит".

Франсуа прошептал:

"Ты меня не поймешь,
ты меня не осилишь,
тем хуже, тем хуже..."

Не железный венок и означенный звук,
Не горланящий, ночи не помнящий петел,
Не жестокий, не твой, не отрекшийся друг,
Нафталин — это бог, нафталин — это ветер!

* * *

Поэзия — предмет последней необходимости.
Вроде облака или куста какой-нибудь жимолости.
В общем, то, за что цепляется взор
Выслушивающего приговор.

АНДРЕЙ КОЗЛОВ

Родился в 1956 году. Выпускник филологического факультета 1986 года.

СМЕРТЬ САДАТА

Идут арабы на парад,
Летят полотнища знамен,
Глядит с ухмылкой Садат —
Арабов дело предал он.
Ему друзьями Штаты стали!
Обида, боль и гнев неистов —
Зачем же им мы помогали,
Таким гнилым сепаратистам?!
Но нет, не зря мы так дружили,
Не зря построен Асуан —
И пулеметы застрочили
Простых и смелых мусульман.
Упал Садат — и нет Садата:
Убит Садат из автомата.

1981

* * *

Произнесла она слова обиды.
Еще сильнее ее он полюбил.
Коктейлем в сердце
Чувства два слились —
Обида и любовь.

* * *

И несмотря на низкие
Все помыслы мои,
Ты нежно смотришь на меня.

* * *

Как рыба на песчаном берегу
Он задыхался после поцелуя.
Проклятый насморк.

АНАТОЛИЙ ФОМИН

Родился в 1960 году. Окончил филологический факультет в 1982 году. Стихи печатались в периодике.

* * *

Ладейный эндшпиль,
как средневековые,
Уже оплачен
деревянной кровью,
И краткий шах в него войдет, как корь.
Пора, мой друг, —
открыты все пределы,
Фигуры черны,
ну а платья белы,
И на столе густеет алкоголь.
Я вспомнил Пушкина —
счастливая усталость
Ласкает мозг,
немного нам осталось —
Размен квартир, фигур,
очередей...
Лукавый свет
на цыпочках уходит,
Еще нам весело,
а женщина не сводит
Глаз с улицы
взошедших фонарей.
Мы, может,
не dokonчим этой схватки,
Когда в крови
дымится сумрак сладкий,
И черный Кельт
смешает все ходы.
Кулак таит засаду
теплых двушек,
И светится
из позабытых кружек
Уснувший гений
хлористой воды.

* * *

Когда кончается июнь — в высоких звездах беспорядок.
А на земле растет трава, поэты с ветреной душой
Протяжно курят у окна, пускают дым, и дым их сладок,
Как осторожные слова, как осторожный хмель ночной.

И стук бродячих поездов от недалекого вокзала
К ним долетает и дрожит, и замирает на руках.
И нужно спать, и ночь нежна, и жизни мало.
И, бормоча, они бредут в черновиках.

Они несчастны — оттого они прозрачны и сутулы,
И слезы в горле горячи и бесполезны, как вода.
Но ты любила их во сне, когда заснула!
И по ночам тебя будила такая ж близкая звезда.

ЮЛИЯ КОКОШКО

Выпускница филологического факультета 1976 года. Стихи и рассказы публиковались в периодике и коллективных сборниках.

* * *

Я вам помечу, почему часы
вдруг навернули пошлые усы
на фонды щек и ввергли свой овал
в компресс скафандра, в карнавал невежд...
но левый ус — условней, как ни вей!
Ужо пошит из бархатных напраслин
и расплатился собственным нахрапом,
чтоб иногда казаться правым.

Часы-шпион, отъявленный часыщик,
он явочно напыщен и насыщен
нещадностью логических посылок:
огрех-миндаль, и крендель, и кандиль
(ишь, крендельными цифрами осыпан!)
Он нанят Вечностью —
за мной следить.

Посыл посула: когти от лисы.
(Возможно и: кишочкам — для росы.)
А если все усатые — часы?

* * *

Чеканный черный ямб
чужих, заснеженных решеток сада
классически печально озарен
почти исполненной зарей,
и запах яблок превзошел над санным,
над снежным следом, будто только что
здесь провозили яблоки сквозь пламя
на тьму. Какой непрошенный простор
саднит меж зачехленными стволами!

МАРИЯ МАКСИМОВСКИХ

*Выпускница филологического факультета
(1983). Публиковалась в коллективных сборниках.*

* * *

Пока живу, любить не перестану
все, что меня переживет надолго, —
и небо над поляной, и поляну
за крайним домом нашего поселка.

Пока живу, любить не перестану
все, что уйдет задолго до меня, —
букашку на листе и храп гортанный
стреноженного к выпасу коня.

Пока живу, любить не перестану...
Но никого от смерти не спасут
любовь моя и жизнь моя. Не странно,
что и меня под небом пронесут.

И все ж, пока живу на белом свете,
должна я сохранить и жизни эти,
и небо синим, и траву густой.

А если не хранить вселенской Трои,
тогда любовь и пяточка не стоит.
И жизнь — не жизнь,
а только вздох пустой.

ДЖОКОНДА

Как неподвижно мчатся облака!
Как радостно скорбим о дне грядущем!
А Мона Лиза смотрит свысока,
отталкивающе и зовуще.

Как этот отсвет за ее спиной
похож на пламень ядерного взрыва!
Стоит Джоконда между ним и мной,
и так ее улыбка терпелива.

* * *

Что помню я?

Что знаю я?

Что вижу?

Клочок планеты, стиснутый домами,
да неба клоч, голубовато-рыжий,
за перекрестием оконной рамы.

Что вижу я?

Что помню я?

Что знаю?

Стихи о нашей маленькой планете,
о том, что люди все же умирают,
хоть говорят, что жизнь сильнее смерти.

Что знаю я?

Что вижу я?

Что помню?

Военной песни хриловатый дискант
да длинный ряд фамилий незнакомых
на гранях городского обелиска.

Но поколений связь

и связь столетий

сплетаются во мне, как в почве корни:
я — продолжение жизни на планете —
живу затем, чтоб видеть,

знать

и помнить.

АНДРЕЙ САННИКОВ

Родился в 1961 году. Выпускник исторического факультета 1985 года. Стихи публиковались в периодике.

* * *

Рисунок линий на моей ладони
стал деревом у твоего окна.
Ты приложи ладонь к стеклу и вспомни
меня, когда одна.

Но ты упросишь — этот тополь свалят.
Беззвучно свалят, как в немом кино.
Потом — зима. И холода настали.
И заросло окно.

* * *

Вот дюймовые доски тоски.
Их всего — три-четыре доски,
но весь внешний пейзаж — заколочен.
Надо втягивать внутрь свой взор,
а вытягивать, как до сих пор —
нет возможности дальше и дольше.

И в глазах прорастут пятаки.
Земляное течение реки
и подземные эти деревни.
Может быть, после смерти пойму
я смертельную эту страну?..
Только я в это тоже не верю.

Это — позже. Пока что — жилось.
Я в закрытый свой вышел Свердловск
и, вдыхая болезненный воздух,
пересек его за три часа.
Это было второго числа,
в марте месяце, после морозов.

Вот теплый голубь плача моего
глядит на город с тихого плеча.
Среди нечастых и простых домов —
просторная и внятная печаль.

А в каждом доме — круглые столы.
А в каждом доме — белый скрип дверей.
Сжигают листья — и дымят костры
на каждом остывающем дворе.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВ

Родился в 1958 году. Выпускник филологического факультета 1984 года.

Из цикла "СЕМИДЕСЯТЫЕ"

* * *

Стынет в стаканах чай,
Ровно нарезан хлеб —
В общем, иди встречай
Тех, кого как бы нет.

Всех их сюда зови,
Кашу идей заварим
Из всенародной любви
И узколичной печали.

...Дети застойных лет,
Что рассказать о нас?
Чай на столе и свет,
И — двенадцатый час.

* * *

Россия хлопала, вождей благодарила,
Клеймила диссидентов и врагов,
Свою искала в "Возрожденьи" силу,
Но в возрождении каких основ?

Алели флаги на ее парадах
И цвет обложек покраснел тогда,
Хотя, взглянув на книжки, было надо
Подумать, будто это — цвет стыда.

Но, вдохновенно строящие будущее,
На своего равняясь запевалу,
Мы — пьющие, стожильные, ворующие —
Большую землю превращали в малую.

А пресса чтит съезды, фестивали...
Печатью Каина та мечена печать.
А те, кому еще не трали-вали,
Приноровлялись злиться и молчать...

АЛЕКСАНДР ГРИНТАЛЬ

Родился в 1959 году. Выпускник филологического факультета (1983). Автор книги стихов и песен "Знать бы..." (1993).

* * *

— Когда мы будем птицами?
— Когда мы были птицами —
мы были крепче мышцами
и благородней лицами.
В глубокой этой древности,
земные наши ценности
мы меряли небесными.

Когда играли звездами
или луною плюшевой,
не понимали просто мы
игры живыми душами.
Мы были выше низости,
стыдась греха до жжения,
и повезло нам вырасти,
не зная унижения...

Но, встав однажды на ноги,
глядеть мы стали под ноги,
и наши птичьи навыки
не переняли отроки.
И — некогда могучие —
опали крылья белые,
и стали мы ползучими,
и стали мягкотелыми...

Когда мы были птицами,
пригрезилась иная высь.
И мы не станем птицами,
как горько бы ни каялись.
Все, что нам ни назначено,
отпущено сторицей!
И только тем оплачено,
что мы не будем птицами.

* * *

Я знаю, что случится в сентябре.
Сметут сухие листья во дворе
в могильный холмик. И в другой, и в третий...
И сквозь усы процеживая мат,
крематор-дворник завершит обряд,
предать огню готовый все на свете...

А в октябре зайдет последний дождь —
из любопытства, сдерживая дрожь —
взглянуть на тополиные скелеты.
И проходя последним марш-броском,
замесит пепел с пылью и песком,
смешать готовый с грязью все на свете...

А в ноябре уже и первый снег.
Старательно прикроет каждый след —
мол, ни к чему напоминанья эти!
Все выбелит в невинный белый цвет —
как с потрохами купленный поэт
предать готов забвенью все на свете...

Я знаю, что когда пройдет зима —
Сойти с ума! как долго будет это —
Весна сумеет разобрать сама,
кому вернуть утраченное летом.
И вот тогда проснется в нас вина
перед собой и перед этим светом.

* * *

Любимая.

— последняя связующая нить,
последний аргумент на чашу "Быть",
последний луч
перед моим закатом,
последний шанс его остановить,
пока ты есть,
пока ты где-то рядом.

Любимая.

— на черном небе белая звезда,
на черной глади белый ломтик льда,
на черный день глоток вина

припрятан,

и одолима черная беда,

пока ты есть,

пока ты где-то рядом.

Любимая.

— молитва, повторяемая мной,

Хранитель-Ангел за моей спиной,

исход чудесный через круги ада,

И смерти нет, и быть не суждено,

пока ты есть,

пока ты где-то рядом.

АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЕВ

(1960 - 1988)

*Окончил факультет журналистики в 1983 году.
При жизни как поэт не печатался. Первая посмертная книга — "Посошок" (1990).*

КОГДА МЫ ВДВОЕМ

Когда мы вдвоем

Я не помню, не помню, не помню о том, на каком
мы находимся свете.

Всяк на своем, но я не боюсь измениться в лице.

Измениться в твоём бесконечно прекрасном лице.

Мы редко поем.

Мы редко поем, но когда мы поем, поднимается ветер
И дразнит крылом. Я уже на крыльце.

Хоть смерть меня смерть.

Да хоть держись меня жизнь,

Я позвал сюда Гром —

вышли смута, апрель и гроза.

Ты только поверь

Если нам тяжело — не могло быть иначе.

Тогда почему кто-то плачет?

Оставь воду цветам. Возьми мои глаза.

Поверь — ты поймешь

Как мне трудно раздеться

Когда нет тебя, когда некуда, некуда, некуда деться.

Поверь — и поймешь

То, что я никогда

Никогда уже не смогу наглядеться туда

Где мы, где мы могли бы согреться,

Когда будет осень

И осень гвоздями вколотит нас в дрожь

Пойми — ты простишь

Если ветреной ночью я снова сорвусь с ума

Побегу по бумаге я

Этот путь длиною в строку, да строка коротка

Строка коротка.

Ты же любишь сама

Когда губы огнем лижет магия

Когда губы огнем лижет магия языка.
Прости — и возьмешь.
И возьмешь на ладонь мой огонь
И все то, в чем я странно замешан
Замешано густо. Раз так, я как раз и люблю
Вольно кобелю
Да рубил бы я сук
Я рубил бы всех сук, на которых повешен.
Но чем больше срублю, тем сильнее затяну петлю.

Я проклят собой
Осиновым клином живое, живое, живое восстало
в груди
Все в царапинах да бубенцах
Имеющий душу да слышит. Гори — не губи
Сожженной губой
Я шепчу, что, мол, я сгоряча, да в сердцах,
я в сердцах
А в сердцах — да я весь, я в сердцах.
И каждое бьется об лед, но поет, так любое бери
и люби.

Не держись, моя жизнь.
Смертью после измеришь.
И я пропаду ни за грош
Потому что и мне ближе к телу сума
Так проще знать честь
И мне пора
Мне пора уходить следом песни, которой ты веришь
Увидимся утром, тогда ты поймешь все сама.

ВИШНЯ

В поле вишенка одна
ветерку кивает.
Ходит юная княжна,
тихо напевает:
— Что-то князя не видать,
песенки не слышно.
Я его устала ждать,
замерзает вишня...
В поле снег да тишина.
Сказку прячет книжка.
Веселей гляди, княжна!
Да не будь трусишкой.

Темной ночью до утра звезды светят ясно.
 Жизнь — веселая игра. А игра — прекрасна!
 Будь смела и будь нежна даже с волком в поле.
 Только радуйся, княжна, солнышку и воле.
 Будь свободной и люби все, что сердцу мило.
 Только вишню не руби — в ней святая сила.
 Пусть весна нарядит двор в яркие одежды.
 Все, что будет до тех пор, назовем надеждой.
 Нам ли плакать и скучать, открывая двери?
 Свету теплого луча верят даже звери.
 Всех на свете обними — и осилишь стужу.
 Люди станут добрыми, слыша твою душу.
 И войдет в твой терем князь, сядет к изголовью...
 Все, что будет всякий раз, назовешь любовью.
 Всем дается по душе, всем на белом свете.
 В каждом добром мальчише, в женщинах и детях.
 Эта песенка слышна, и поет Всевышний...
 Начинается весна, расцветает вишня.

НА ЖИЗНЬ ПОЭТОВ

Поэты живут. И должны оставаться живыми.
 Пусть верит перу — жизнь, как истина в черновике.
 Поэты в миру оставляют великое имя,
 Затем что у всех на уме — у них на языке.

Но им все трудней быть иконой в размере оклада
Там, где, судя по паспортам, — все по местам.
Дай Бог им пройти семь кругов беспокойного лада
По чистым листам, где до времени — все по устам.

Поэт умывает слова, возводя их в приметы,
Подняв свои полные ведра внимательных глаз.
Несчастливая жизнь! Она до смерти любит поэта.
И за семерых отмеряет. И режет. Эх, раз, еще раз!

Как вольно им петь! И дышать полной грудью — на
ладан...

Святая вода на пустом киселе неживом.
Не плачьте, когда семь кругов беспокойного лада
Пойдут по воде над прекрасной шальной головой.

Пусть не ко двору эти ангелы чернорабочие.
Прорвется к перу то, что долго рубить и рубить
топорам.

Поэты в миру после строк ставят знак кровоточия.
К ним Бог на порог — но они верно имеют свой срам.

Поэты идут до конца. И не смейте кричать им "Не
надо!"

Ведь Бог... Он не врет, разбивая свои зеркала.
И вновь семь кругов беспокойного, звонкого лада
Глядят ему в рот, разбегаюсь калибром ствола.

Шатаясь от слез и от счастья смеясь под сурдинку,
Свой вечный допрос они снова выводят к кольцу.
В быту тяжелы. Но, однако, легки на поминках.
Вот тогда и поймем, что цветы им, конечно, к лицу.

Не верьте концу. Но не ждите другого расклада.
А что там было в пути? Метры, рубли...
Неважно, когда семь кругов беспокойного лада
Позволят идти, наконец, не касаясь земли.

Ну вот, ты - поэт... Еле-еле душа в черном теле.
Ты принял обет сделать выбор, ломая печать.
Мы можем забыть всех, что пели не так, как умели.
Но тех, кто молчал, давайте не будем прощать.

Не жалко распять для того, чтоб вернуться
к Пилату...

Поэта не взять все одно ни тюрьмой, ни сумой.
Короткую жизнь, семь кругов беспокойного лада
Поэты идут и уходят от нас на восьмой.

ВСЕ ОТ ВИНТА

Рука на плече. Печать на крыле.
В казарме проблем — банный день.
Промокла тетрадь.
Я знаю, зачем иду по земле.
Мне будет легко улетать.

Без трех минут — бал восковых фигур.
Без четверти — смерть.
С семи драных шкур — шерсти клок.
Как хочется жить! Не меньше, чем спеть.
Свяжи мою нить в узелок.

Холодный апрель. Горячие сны.
И вирусы новых нот в крови.
И каждая цель ближайшей войны
Смеется и ждет любви.

Наш лечащий врач согреет солнечный шприц.
И иглы лучей опять найдут нашу кровь.
Не надо, не плачь. Сиди и смотри,
Как горлом идет любовь.

Лови ее ртом — стаканы тесны.
Торпедный аккорд — до дна!
Рекламный плакат последней весны
Качает квадрат окна.

Дырявый висок, слепая орда.
Пойми, никогда не поздно снимать броню.
Целуя кусок трофейного льда,
Я молча иду к огню.

Мы — выродки крыс. Мы — пасынки птиц.
И каждый на треть — патрон.
Ну так сиди и смотри, как ядерный принц
Несет свою плеть на трон.

Не плачь, не жалей. Кого нам жалеть?
Ведь ты, как и я, сирота.
Ну что ты? Смелей. Нам нужно лететь!
А ну, от винта! Все от винта!

В ЧИСТОМ ПОЛЕ

В чистом поле — дожди косые.
Эй, нищета — за душой ни копья!
Я не знал, где я, где Россия,
И куда же я без нея?

Только время знобит, колотит.
Кто за всех, если дух — на двух?
В третьей роте без крайней плоти
Безымянный поет петух.

Не умею ковать железо я —
Ох, до носу мне черный дым!
На второй мировой поэзии
Признан годным и рядовым.

В чистом поле — дожди косые,
Да нет ни пропасти, ни коня.
Я не знал, как любить Россию,
А куда ж она без меня?

И можно песенку прожить иначе,
Можно ниточку оборвать.
Только вырастет новый мальчик
За меня, гада, воевать.

Так слушай, как же нам всем не стыдно?
Эй, ап! — спасите наши души!
Знаешь, стыдно, когда не видно,
Что услышал не то, что слушал.

Стань живым — доживешь до смерти.
Гляди в омут и верь судьбе —
Как записке в пустом конверте,
Адресованный сам себе.

Там, где ночь разотрет тревога,
Там, где станет невоготу —
Вот туда тебе и дорога,
Наверстаешь свою версту.

В черных пятнах родимой злости
Грех обиженным дуракам.
А деньги — что ж, это те же гвозди,
И так же тянутся к нашим рукам.

Но я разгадан своей тетрадкой —
Топором меня в рот рубите!
Эх, вот так вот прижмет рогаткой —
И любить или не любить!

А тех, кто знает, жалеть не надо.
А кровь — она, ох, красна на миру!
Пожалейте сестру, как брата —
Я прошу вас, а то помру.

А с любовью — да Бог с ней, с милой...
Потому как виновен я.
Ты пойми, не скули, помилуй,
Плачь по всем, плачь, аллилуй!

На фронтах мировой поэзии
Люди честные — все святы.
Я не знал, где искать Россию,
А Россия есть росс и ты.

И я готов на любую дыбу.
Подними меня милая, ох!
Я за все говорю — спасибо.
Ох, спаси меня, спаси, Бог!

В чистом поле дожди косые.
Да мне не нужно ни щита, ни копыя.
Я увидел тебя, Россия.
А теперь посмотри, где я.

СЕРГЕЙ НОХРИН

Родился в 1958 году. Выпускник факультета журналистики 1984 года. Автор книги стихов и песен "Чипчиrom" (1993).

* * *

они обещают нам выдать патроны
в них вставлены пули с поправкой на ветер
в них порох засыпан с поправкой на сырость
они умещаются прямо в ладони
они размещаются в каждой ладони
прочтут командармы поправку на сырость
учтут лейтенанты полевку на ветер
и вынесет ветер живых с поля боя
направо а мертвые в сырость налево
на каждый предмет с нестандартной резьбою
обратной найдутся стволы со стандартной резьбою
тончайшим нарезом бегущим по ночи
начищенной стали от глаза до неба
от неба до моря от моря до леса
начнутся процессы учтутся поправки
и правый процесс будет в целом не правым
а левый нарез будет правым нарезом
уйдут командармы смещенные центром
от пуль поразительных с центром смещенным
падут пораженные в грудь лейтенанты
и в рамке прицела как в рамках приличий
блеснет паутина на выгнутой ветке
закручена вправо с поправкой на ветер
как метагалактика слева направо

ИЛЬЯ КОРМИЛЬЦЕВ

Родился в 1959 году. Окончил химический факультет (1981). Автор книги "Скованные одной цепью" (1990).

ПРОГУЛКИ ПО ВОДЕ

с причала рыбачил апостол Андрей
а Спаситель ходил по воде
и Андрей доставал из воды пескарей
а Спаситель погибших людей
и Андрей вскричал — я покину причал
если ты мне откроешь секрет
а Спаситель ответил — спокойно, Андрей!
никакого секрета здесь нет

— видишь, там на горе
возвышается крест
и сидит десяток солдат
повиси-ка на нем
а когда надоест
возвращайся назад
гулять по воде гулять по воде
гулять по воде со мной

— но, Учитель, на касках блистают рога
черный ворон кружит над крестом
объясни мне сейчас пожалей дурака,
а распятье оставь на потом
онемел Спаситель и топнул в сердцах
по водной глади ногой
— ты и вправду дурак! — и Андрей в слезах
побрел с пескарями назад

— видишь, там на горе
возвышается крест
и сидит десяток солдат
повиси-ка на нем
а когда надоест
возвращайся назад
гулять по воде гулять по воде
гулять по воде со мной

Я ХОЧУ БЫТЬ С ТОБОЙ

я пытался уйти от любви
я брал острую бритву и правил себя
я укрылся в подвале я резал
кожаные ремни
стянувшие слабую грудь

я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
и я буду с тобой

твое имя давно стало другим
глаза навсегда потеряли свой цвет
пьяный врач мне сказал что тебя больше нет
пожарный выдал мне справку что дом твой сгорел

но я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
и я буду с тобой
в комнате с белым потолком с правом на надежду
в комнате с видом на огни с верою в любовь

я ломал стекло как шоколад в руке
я резал эти пальцы за то
что они не могут прикоснуться к тебе
я смотрел в эти лица и не мог им простить
того что у них нет тебя и они могут жить

но я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
и я буду с тобой
в комнате с белым потолком с правом на надежду
в комнате с видом на огни с верою в любовь

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

круговая порука мажет как копать
я беру чью-то руку а чувствую локоть
я ищу глаза а чувствую взгляд
где выше голов находится зад
за красным восходом — розовый закат
скованные одной цепью
связанные одной целью
скованные одной цепью
связанные одной

здесь составы вялы а пространства огромны
здесь суставы смяли чтобы сделать колонны
одни слова — для кухонь другие — для улиц
здесь сброшены орлы ради бройлерных куриц
и я держу равнение даже целуясь
на скованных одной цепью
связанных одной целью
скованных одной цепью
связанных одной целью

можно верить и в отсутствие веры
можно делать и отсутствие дела
нищие молятся на
то что их нищета гарантирована
здесь можно играть про себя на трубе
но как не играй — все играешь отбой
и если есть те кто приходят к тебе
найдутся и те кто придут за тобой
также скованные одной цепью
связанные одной целью
скованные одной цепью
и связанные одной

здесь женщины ищут но находят лишь старость
здесь мерилом работы считают усталость
здесь нет негодяев в кабинетах из кожи
здесь первые на последних похожи
и не меньше последних устали быть может
быть скованными одной цепью
связанными одной целью
скованные одной цепью
связанные одной целью

ОЛЬГА АРЕФЬЕВА

Училась с 1983 по 1985 год на физическом факультете.

* * *

Белое на сиреневом,
Черное на серебряном,
Яблоки на ладони,
дорога за дебрями.
Где на дороге времени
В холоде безнадежности
В почву паденье семени —
Капелька нежности.

Дай мне кусочек яблока,
Дай мне минуту вечности,
Вкус молока из облака,
Цвет безупречности.
Звездное небо чистое,
Ветку сирени с листьями,
Лес со зверями-птицами,
Веру и истину.

ЧТО ЗНАЧИТ НЕБО?

Что значит небо?
Океан высоты,
В его глубине плавают птицы.
Синяя птица, наверное, ты,
Желтая птица, похоже, что я.

Что значит море? —
Где-то на дне его
Отражаются рыбы и живут облака.
Большое облако — это ты
Облако поменьше,
Кажется, я.

Что значит земля? —
Это трава и цветы,
Горы и реки, дожди и деревья.
Дерево высокое — это ты,
Дерево пониже,
Может быть, я.

ЮЛИЯ КРУТЕЕВА

*Выпускница биологического факультета 1988
года. Стихи печатались в периодике.*

* * *

Холодный лес и тихая река
Струящиеся нити тростника
Студеных вод прозрачные глубины
Недвижим каждый камешек на дне
И бег реки не слышен в тишине
И неподвижны синие вершины

И только поступь времени видна
То бурым, лоскутом коснутся дна
Шершавых листьев слабые ладони
То первый лед крупинками зеркал
Едва блеснет в воде у черных скал
Где первый снег ложится и не тонет

* * *

Ночь глубока
Дорога далека
Ни тающей звезды ни огонька
Темнеют молчаливые снега
Угадывая в небе облака
Что лишь в своем движении видны
Земля пустынна А печаль легка
Печаль легка да ветры холодны

* * *

Когда умолкнут голоса
Протяжней воздух и яснее
Вытягивается тускнеет
И меркнет неба полоса
Настанет Ночь Окаменеет
Подняв незрячие глаза
Не к небу а к тому что выше
А то что выше вне и за
Уходит дальше и не слышит

Догнать лететь скользить по крышам
Но гаснет след и свысока
Сомкнувшись небо усмехнется
Душа бескрыла и нага
Бессильно ежится сдается
И постепенно остается
Не вырвавшись за облака

А Ночь недвижна и строга
И только шалый ветер бродит
За серебристые рога
Туда куда лишь снег восходит

ЛЕНИД ЧЕРНОВ

| Родился в 1964 году. Окончил философский |
| факультет (1989). |

* * *

Словарь читаю.
Махаяна — мне ближе
В 40.000 раз,
чем Мах.
А на одной странице.

* * *

Будильник тикает
Он здесь.
А ты. Ты никогда
Не выпрыгнешь из телефона.

* * *

Вскипает чайник,
Книги на столе.
А сердце страхом полнится —
Что дальше?

ВЛАДИСЛАВ УСТЮГОВ

*Родился в 1965 году. Выпускник факультета журналистики. Автор книги стихов "Первое при-
частие" (1991).*

* * *

Снег идет в лесу и в поле.
Будто с прибылью его
Стало больше сил и воли -
С пустяка, из ничего.

Снег летит и тает, тает.
Завтра — март...
Из туч и тьмы
Белых птиц немая стая
Улетает до зимы.

И легко не помнить людям
Ни крещенских холодов,
Ни того, что было, —
В *будет*
Проще верится без слов.

Помолчим! Друг другу лучше
Не расскажем ничего...
Снег идет и тает тут же
От дыханья твоего.

•

* * *

Не в силах нарушить молчанье,
Смотрю, как закат догорает...
Давай обойдем на прощанье
Весь город от края до края.

Пройдемся, сличая приметы
Минувших времен с настоящим,
По улочкам, за день согретым,
К судам, у причалов стоящим.

В музее коснемся руками
Обломков античного храма...
Ах, милая, милая мама,
Неужто так будет и с нами?

На грани последнего света
Зажглись фонари эспланады —
И кончилось южное лето
На чувстве извечной утраты.

И в сумрачных окнах музея,
По шлему с зеркальным отливом,
Узнал я мелькнувший тоскливо
Божественный лик Одессея.

* * *

Бабушка и дедушка
По отцовской линии.
На кладбище Волковском
Обелиски синие.

Рядом похоронены,
За одной оградкою.
Жизнь прожили складную,
Да уж больно краткую.

Что ж вы так, родимые,—
Не в войну далекую,
Не в годину страшную,
Не в беду жестокую —

Друг за дружкой сгинули?
Что ж вы умираете —
До рожденья нашего,
Не оставшись в памяти?

Бабушка и дедушка,
Как вы жили? Кто же вы?
Милые, хорошие,
На меня похожие...

СЕНТЯБРЬ

Еще грозе беситься зло,
Ветрам бузить не надоело.
Земли останнее тепло
Спешат вобрать душа и тело.

И вот, впадая в забытье,
Твержу опять, как откровенье:
Мне остается все мое,
Пусть не на век — лишь на мгновенье.

Пока в моем ночном саду,
Дрожа, шумит, шаманит ливень —
Вы слышите? — я не уйду,
Хочу еще побыть счастливым! .

Земле без устали кружить
И мне кружиться до упада...
Что остается? Только жить.
А больше ничего не надо.

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВА

*Выпускница филологического факультета 1990
года. Стихи публиковались в периодике.*

* * *

Бывая трезвыми вполне,
мы всем воздвигнем обелиски —
без вести павшим на войне
и репрессированным близким.

Пуск первой очереди. Ах,
какой прогресс, как все мы рады.
Неужто им в очередях
стоять и после смерти надо?

Ты горд, активен, деловит.
Лежать им вместе, а не розно.
А знаешь что — купи гранит,
впиши себя, пока не поздно.

* * *

Фейерверк тормозного,
зазевавшийся окрик
откатившимся словом
на асфальтовый мокрый.

Истеричкой сирены
ошалелая площадь.
Тишина неразменна,
и от этого проще.

Каждый острый — навывлет.
Ни хорала, ни певчих.
Опрокинут и вылит,
и от этого легче.

Отгремели бои, отстучали свое похоронки,
только нам невдомек, что смертельна
не только война, —
в кабинетной тиши, повисая на волосе тонком,
забываем стихи и не помним уже имена.

Кто-то встал в полный рост,
кто-то крикнул охотникам:
— Целься!—

Кто-то папку закрыл, кто-то яму отрыл и ушел,
кто-то глянул в упор разноцветными линзами цейса,
кто-то вставил обойму и поднял начищенный ствол.

Паутинный узор нарисованной кем-то мишени
вдруг поймает в прицел - и не дрогнет скупая рука
над бумажным листом покаяний, разлук, унижений,
над непрожитой жизнью истертого черновика.

АННА КИРЬЯНОВА

*Выпускница философского факультета (1992).
Стихи и рассказы печатались в коллективных
сборниках "Крушение барьера" (1994, 1995).*

Два стихотворения из цикла "TAEDIIUM VITAE "

* * *

Морозно, и холод собачий
На окнах малюет узор.
И публику снова дурачит
Заезжий гипнотизер.
А вечер и скучен, и долог...
Как медленно время в аду!
Я, маленький тихий астролог,
Тоскую в последнем ряду.
Укрыты серебряной пылью
Дороги и сумрачный лес...
— У вас появляются крылья! —
Со сцены кричит мракобес. —
— Вам хочется прыгать и бегать!
Не хочется, доктор, не ври.
Деревья под тяжестью снега
Склонились почти до земли.
Морозно. И холод крепчает.
Тоской наполняюсь немой.
Мне хочется булки и чаю,
Мне хочется к маме домой...
Спускается розовый полог
На мыслей угрюмую рать...
— Сейчас выступает астролог!
А я не хочу выступать.
Но деньги так многое значат!
Метель завывает в ночи,
И публику снова дурачат,
И публика снова молчит...

* Taedium vitae (лат.) — усталость от жизни, депрессия.

* * *

Закончена скупая юность наша,
Теперь, возможно, наряжаясь по моде,
Так называть друзей: астролог Паша,
Священник Коля, экстрасенс Володя...
Где вы теперь, дырявые карманы,
Гнилая водка, выпитая раньше?
Я разгадал все бывшие обманы,
И сам я стал известнейший обманщик.
Друзья мои, обманутые тоже,
Опять звонят, опять заходят в гости:
Поэт Сережа стал бандит Сережа,
Художник Костя стал директор Костя...
Швыряя деньги пьяным музыкантам,
Не нам грустить о нищете и воле,
Не нам рыдать о Боге и таланте
В объятьях нежных проститутки Оли...
О юности загубленной не плачьте —
Иное время — тоже будет наше!
...А белый парус на высокой мачте —
Он с каждым годом — меньше, или — дальше.

* * *

Черный монах удаляется неторопливо,
Посох его по песочку царапает мерно.
Может Господь человека придумать счастливым?
Бог всемогущ, и поэтому может, наверно.

Черный монах поглядит в изумленные лица,
Путь свой продолжит, об истине только радея.
Место счастливых — Голгофа, тюрьма и больница,
Цель устремлений неистового иудея...

Черный монах улыбнется при мысли о Боге,
Мы же останемся, грустно мечтая о воле;
Черный монах удаляется прочь по дороге,
Синий туман укрывает вечернее поле.

АЛЕКСЕЙ ВЕРНИЦКИЙ

Родился в 1970 году. Выпускник математико-механического факультета (1992). Публикации в периодике и коллективном сборнике "Крушение барьера" (1994).

* * *

Земную жизнь пройдя... скажи — до трети,
Я загрузился в некий частный дом.
Взираю на поэта на портрете,
На бабушек и дедов. Босиком
И голоса, перебегают дети.
Клоп ползает по стенке, насеком.
Хозяйка гордо роется в буфете
В столовом серебре (одном предмете).

По вечерам мальчишечья фузея
Пугает голубицу во дворе.
Последний претендент на роль музея
И быта, и мечтаний о добре,
Дом скручен, как улитка Колизея
И кинолента "Ленин в Октябре".

* * *

Эпистолярный жанр мне надоел.
Ему ль не предавались с равным жаром
И Гоголь, отдыхающий от дел,
И Кафка, угнетаемый кошмаром?

Но в стансах романтической слезе
Дам волю (и прошу простить заране) -
Поскольку Вы по-прежнему О.З.
И дороги мне в некотором плане.

И текст о Вас (не сетуйте на мя)
Вошел в подборку, попеченьем Клио,
Меж, между прочим, лучшими двумя
Текстами за представленный период.

Я помню Вас. "И вкус ее, и цвет," —
Подумает пошляк и ошибется,
Не зная, как умел я в цвете лет
Ползти за видом звезд на дно колодца.

Но — помню Вас: и а, и бэ, и цэ.
И Вам ли ожидать иных сентенций,
Чтоб отмечал необщее в лице
Исследователь групп и конгруэнций?

Так я не помню Вас! — хотя я сам —
Без крови, без культуры, без прозвания —
Ловлю в себе тупое осознание
Любви к абстрактным черным волосам,
К таким-то скулам и носам с горбинкой,
Которые сочтет за много лет
Приказчик, чтобы выдать мне билет
И проводить заслуженной дубинкой.

И снова я (простите мне опять
Несовершенство рифмы) мысли вправе
Отправить, дробь оставить и порвать,
Дробь полюбить, размножить и отправить.

Засим — до встречи, ибо Вас забыть
(Прощайте!) — нету сил. Поклон Вам низкий.
Сфрагидой жалко рифмы перебить,
Зато сфрагида: Алексей Верницкий.

АННА АСОНОВА

Выпускница филологического факультета (1993). Публиковалась в коллективном сборнике "Крушение барьера" (1995).

Плакать хочется — смеюсь.
Жить не хочется — влюблюсь.
Хоть в косого, хоть в кривого,
Хоть в убогого какого!
Рыжий? — Рыжего люблю!
Прочих всех — взащей гоню.
Армянин из Еревана:
"Голубые розы?" — Рано!
"Голубые розы?" — Поздно!
Лучше — небо, лучше — звезды,
Лучше воду в горсти пить,
Лучше рыжего любить!
На вопросы: "Ты ли это?" —
В масть заката, в масть рассвета,
В масть любезного огня
Будет милый у меня!
Спросит: "Шутишь?" — Я: — Шучу!
Ах, со всеми разлучу!
Ах, к себе приворожу!
Зацелую, замужу
В танце! — (Звезды, звезды, звезды...) Оч?
Очи? — Рано! Губы? — Поздно!
Все гори в огне моем! —
Солнце — ночью, звезды — днем.
И не плакать и не петь, —
Все в глаза твои глядеть!
Цвет? — Не знаю! Знаю: тонут!
Я всегда любила омут,
Чтоб — не дно! (А дна-то нет...)
Я всегда любила цвет
Огненный — волос, а глаз —
Тьму бездонности... Проказ
Искренность: имею — трачу!
Хочется смеяться? — Плачу.

Не отпускай меня в небеса!
 Ни темной ночью, ни ясным днем,
 Ни когда я одна, ни когда мы вдвоём,
 Ни на целую вечность, ни на полчаса
 Не отпускай меня в небеса!

Не разрешайте мне песни петь!
 Ни когда с неба — звезды, ни когда с неба — дождь,
 Ни когда в сердце острый цыганский нож,
 Ни когда вокруг розы, ни когда вокруг — смерть,
 Не разрешайте мне песни петь!

Не доверяйте моей любви!
 Ни когда я плачу, ни когда я смеюсь,
 Ни когда я Вам в верности вечной
 клянусь,
 Ни даже читая стихи мои,
 Не доверяйте любви!

Так прекрасно: смотреть и не видеть
Глаз... И только по запаху дыма
Догадаться, что кто-то любимый
Здесь... и курит... и курит устало...
Как прекрасно: смотреть — и не слышать
Даже речи прекрасные эти...
И о книге, мудрейшей на свете,
Улыбнувшись, сказать: "Не читала!.."

ЛАРИСА БОЧАРОВА

*Выпускница факультета журналистики 1993
года.*

РОЛЬ

Спасибо вам, братья, за стылую гладь ваших глаз,
Стальных, как осеннее небо ирландских равнин.
Бесспорно, мир был бы неотягощенной без вас.
Но он никогда б не увидел, как стелется тмин.
Как стелется по ветру дым от высоких костров,
В которых истлел до золы мой былой карнавал.
Я смерть так любил называть

своей Кровной сестрой...

Но даже на счеты с собой я права потерял.
Я отдан в залог. Восемь лун до цветения лип.
Мой посох не зеленью трав, а цепями увит.
Спасибо за то, что свобода ценнее любви,
За ваши тела, что крест накрест на сердце легли.
И страшный вопрос о виновности

встал в полный рост,

С тех пор, как мы слову "игра" наступили на грудь.
Верней, чем успехи, вы делите общий помост —
Спасибо за то, что я тоже пройду этот путь.

И тройственность наша прочна, как подруга седла:

Так связаны лук арбалетный, приклад и стрела
(Хоть ненависть ваша к оружию сильна, как обет);

Вы гибель нести неспособны, вы верите в свет,

Но ваша любовь — тетива,

И на мне ее след...

Спасибо вам, братья, за то, что спасения нет.

Выпускница философского факультета 1995 го-
да.

Там где-то горы, как то — ветер: баран — в огонь,
вино - в рога,
За семимильными столами сидит миллионная родня,
Седлайте "волгу" и молитесь автомобильным злым
богам,
Но за четвертым перевалом вас поджидает западня.
Ее глаза светлей Ингури, над ней луч солнца
золотой,
С ней — синий конь, ее привезший из тех
заоблачных низин
(уже сожравший весь бензин).
Она в горах совсем одна, у пропасти не видно дна,
а
За каждым камнем притаился любви жаждущий грузин.
Но ей совсем не в те долины, где ждут Вас к ужину
сейчас,
Где хлеб горячий, белый сыр, в рогах волшебный
эликсир... —
Не принимает приглашений. Так Вам — принять ее
отказ
С лукавым Вашим благородством. И взять машину
на буксир.

Конечно, ночь. И — да — усталость.
В огромном доме Вы одни.
Гостеприимная хозяйка
(по-русски значит — "с ночевой").
И остаетесь Вы в объятьях голубоглазой западни
И что-то дарите безумной славянке, жаждущей —
чего?

И снова утро, снова горы, дорога вниз, дорога вверх:
За перевалом протрезвели седой отец и брат-бандит,
Опять вино (с холодным мясом).

А Вам — покаяться не грех,
Отец нальет, и брат поддержит,
мать без укора поглядит.

И снова день, и снова вечер:
баран — в огонь, а хлеб — с огня,
На стол —
долма и помидоры, и виноград, и белый сыр.
За семимильными столами сидит мильонная родня,
Из полных бочек шумно льется в рога
волшебный эликсир.

* * *

Тепло и сыро, сыро и тепло,
Еще раз повторю: тепло и сыро.
Какая птица в небе голосила —
Болезненное тонкое сверло?
Зачем тоскливая есть в оттепели сила?
Зачем слюдой следы заволокло,
Когда вокруг вот так — тепло и сыро?

Светло и стыло, сухость и мороз.
О чем я говорю?.. — Морозно, сухо.
Под стрелами застывших папирос
Клубится город в собственном дыму.
Выводят в зиму всех по одному
И оставляют в этом кинокадре
Собой белила разбавлять, но вряд ли
Они сейчас поместятся в строку,
Все потому что холодно и сухо,
Когда зима, как раненая сука,
Вылизывает раны на боку.

А женщин беременных снова становится меньше.
Их томные песни уже не похожи на джаз,
Их старые мамы совсем не похожи на женщин,
Их старшие дети совсем не похожи на нас.

Беременным женщинам хочется масла и сливок,
Их старшие дети уныло бредут в магазин,
Их старые мамы глядят беспардонно счастливо
И ниточки тянут из полуистлевших корзин.

В их маленькой памяти все, чем питается память,
В их тоненьких ручках — букеты нездешних
гвоздик.

Какие же песни моей — небеременной — маме
Мне нужно пропеть, чтобы голос дрожащий возник?

Какие романсы, какие канцоны мне спеть им —
Беременным летом и солнцем и светлой усталостью
зим?

А что мне сказать-то моим неродившимся детям,
Которых впоследствии можно послать в магазин?

А что мне придумать для этих, кто больше не сможет
Ходить в зоопарк и кататься на белом коне,
И дом разбудить сокрушительным топотом ножек
Есенинским утром, однажды приснившимся мне?

И мне, небеременной, хочется песенок, то есть —
Узнать их от мамы и петь — соответственно — маме,
И чутко почувствовать то, чем беременна совесть,
И глухо оплакивать нечто родившую память.

АЛЕША АЛЕШКИН

*Родился в 1973 году. Окончил философский
факультет в 1995 году.*

* * *

Я каждый раз хотел бы жить
и быть капризным
и как бы выстрелы виска
по пулемету

Я каждый раз
и дальше больше

Пока что верю в остановку
но завтра больше чем вчера
и лишь постольку

Я каждый раз хотел бы жить

* * *

Или мне кажется,
или что такое

* * *

Шинель прилипла
крошкой к подбородку
Застыл чекан полета
в небесах
сверкнул подштанник
Двумя краями
каменного хруста
разъехалось небо
Мир был солнечн
и велик

СЕРГЕЙ ГУСЕВ

Родился в 1974 году. Студент филологического факультета.

* * *

Участникам Московского пожара
Достались раскаленные ключи —
И жгучий холод скифского кинжала
Погнал войска по выжженной ночи

Там под покровом лошадиной пены
Россия погребла Бородино —
Мадам Тюссо топила манекены,
Сливая в Темзу старое вино —

И горстка переплавленного воска
Форсировала вплавь Березину —
Загнав коня, он вышел из повозки, —
Тот мальчик, убежавший на войну

И на глазах измученной дружины
Припал губами к черепу коня —
Раздался звук сорвавшейся пружины
Шептала одиночного огня.

ПИОНЕРСКАЯ БАЛЛАДА

Из города в лагерь,
Из лагеря в лагерь,
Везут пионеров,
Колышутся флаги.

По черным ущельям
И желтым равнинам
Автобусный веер
Растянется клином,

— Послушай, товарищ,
Далеко ли едем?
Давай потолкуем,
Мы все же соседи... —

Товарищ молчит,
Отвернувшись к окошку,
И крошки с ладошки
Сосет понемножку,

Сгущаются тени,
Сливаются краски,
Водитель на зеркальце
Смотрит с опаской —

Над креслами лица
Белее бумаги —
Под сводами сосен
Прносятся флаги.

— Послушай, товарищ,
Ты, кажется, плачешь?
Я знаю, ты думал,
Все будет иначе...

Все так же, как дома... —
Товарищ рыдает,
И слезы ручьем
На стекле застывают.

Вдоль белой стены
От слепого Макара
Телята бегут,
Зажигаются фары.

Из города в лагерь,
Из лагеря в лагерь
Везут пионеров,
Колышутся флаги...

ОЛЕГ ДОЗМОРОВ

Родился в 1974 году. Студент филологического факультета. Публиковался в журналах и газетах Екатеринбурга.

* * *

В ударе осень. Слишком много неба.
Гербарий лета брошен на асфальт.
Зачем я мне? Зачем мне столько света?
Кто виноват? Никто не виноват.

Мгновенье остановится. А время?
Ах, если б развернуть в судьбу строку!
Вино процежено, день пойман, но зачем я
простую жажду принимаю за тоску?

Дождусь зимы. Лед станет понемногу,
И вот тогда, мороз благословив,
в прозрачную, но умершую воду,
войду второй раз, ног не замочив.

* * *

Давай пропустим этот век:
ты видишь, он идет как снег,
неотвратим, по головам,
по судьбам, городам, словам...

Мы лучше будем жить в другом —
просторном, светлом и большом,
в котором вечер длится год,
в котором вечно снег идет.

* * *

Зимой зимы немного,
пока не снегопад,
лишь стужа и тревога
приходят наугад.

Зимой зимы избыток,
и близится предел,
когда дорожный свиток
стирается в пробел,

и в небесах невнятно,
и кажется порой,
что снег идет обратно,
не принятый землей.

* * *

День недолгий. Бестолковый вторник.
И с утра пернатый говорок.
Словно я опять весенний школьник
и опять не выучил урок.

И, прошлявшись, я вернусь попозже,
вместо горла сердце простудив,
слыша, как стихи растут под кожей
о душе, о божьей, о любви.

* * *

Весенний грипп. Родное чувство:
выходишь, словно на весу,
и на душе легко и пусто,
как спелой осенью в лесу,

где листья падают от крика,
и небо разоблачно,
и тишина уже давно
совсем не музыка — музыка.

* * *

Сквозь время, как во сне, сбывается душа:
из булочной, с пол-черного, батоном,
весенний мальчик выбегает, и дышать
по головокружительным законам

весь мир готов... Душа моя, вернись!
Мир был мне куплен, как пальто, на вырост...
Ты в дверь мою земную постучись,
пока мой век и адрес не сменились.

ГАЛИНА МЕТЕЛЕВА

С 1993 года — студентка филологического факультета.

А мое окно на звезды.
А мое окно на звезды.
А мое окно на звезды,
На притихший зимний сад.
И если мир, что Богом создан,
Уже без нас кому-то роздан,
То мне оставьте эти звезды
И этот сад. И этот сад.
 Позади море страха и ужаса.
 Позади уже. Позади.
 Дай, Бог, сил кораблю не разрушиться,
 А цветку дай сил расцвести.
 Дай, Бог, силы в любом страдании
 Боль молитвою заглушить
 И, пройдя через испытания,
 Научиться прощать и любить.
 И той женщине, что сказала:
 "Ах, скорей бы уж умереть!" —
 Пошли, Господи, самое малое:
 Силы на жизнь посмотреть.
 Жизнь — не шутка ли, жить — не жутко ли?
 Где дорога, ведущая в храм?
 Все недвижимое и движимое
 Уже роздано по рукам.
А мое окно на звезды.
А мое окно на звезды.
А мое окно на звезды,
На притихший зимний сад.
И если мир, что Богом создан,
Уже без нас кому-то роздан,
То мне оставьте эти звезды
И этот сад. И этот сад.

ЗНАЙ НАШИХ!

В сборнике "Рука на плече" представляют

биологический факультет: Юлия Крутеева(с.130);

геологический факультет: Владислав Занадворов(с.8);

факультет журналистики: Валерий Анищенко(с.38), Олег Балезин(с.92), Александр Башлачев(с.118), Лариса Бочарова(с.144), Нина Буйносова(с.71), Алексей Еранцев(с.44), Борис Ефремов(с.59), Елена Захарова(с.85), Владимир Зюськин(с.62), Анатолий Кукарский(с.28), Юрий Лобанцев(с.35), Иван Малахеев(с.60), Николай Мережников(с.42), Эдуард Молчанов(с.27), Михаил Найдич(с.12), Сергей Нохрин(с.125), Геннадий Сюньков(с.57), Игорь Тарабукин(с.19), Светлана Тарханова(с.88), Леонид Теущаков(с.63), Юрий Трифонов(с.15), Владислав Устюгов(с.133), Борис Шигаikin(с.24), Леонид Шкавро(с.14), Светлана Яницкая(с.83);

исторический факультет: Альфред Гольд(с.30), Лев Коган(с.17), Андрей Санников(с.112);

Математико-механический факультет: Алексей Верницкий(с.140), Владимир Мазуров(с.40);

физический факультет: Раиса Абельская(с.86), Ольга Арефьева(с.129), Александр Соловьев(с.64);

филологический факультет: Анатолий Алексеев(с.114), Анна Асонова(с.142), Игорь Васильев(с.80), Иван Грибушин(с.25), Александр Гринталь(с.115), Сергей Гусев(с.149), Олег Дозморов(с.151), Евгений Зашихин(с.90), Юрий Казарин(с.93), Евгений Касимов(с.96), Андрей Козлов(с.106), Юлия Кокошко(с.109), Андрей Комлев(с.73), Владимир Кочкаренко(с.50), Николай Кузин(с.56), Любовь Ладейщикова(с.68), Мария Максимовских(с.110), Галина Метелева(с.153), Майя Никулина(с.47), Любовь Петрова(с.136), Анатолий Пшеничный(с.76), Феликс Салимов(с.54), Игорь Сахновский(с.101), Виктор Смирнов(с.98), Андрей Танцырев(с.99), Евгений Фейерабенд(с.21), Анатолий Фомин(с.107).

философский факультет: Алеша Алешкин(с.148),
Аркадий Застырец(с.104), Анна Кирьянова(с.138), Ва-
лерий Лузянин(с.66), Леонид Чернов(с.132); Катя Бу-
шуева (с.145)

химический факультет: Ольга Горницкая(с.81),
Илья Кормильцев(с.126), Марк Луцкий(с.55), Исаак
Райхер(с.11), Лев Райхер(с.10).

**Рука на плече
Стихи
выпускников и студентов
Уральского государственного университета**

**Редакторы М.А. Овечкина, Т.А. Сасина
Технический редактор Э.А. Максимова**

ЛР № 020257 от 10.10.91.

**Подписано к печати 04.10.95. Формат 60×84 1/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать офсет-
ная. Уч.-изд. л. 6,28. Усл. печ.л. 9.00. Заказ 275. Тираж
1000 экз.**

**Уральский государственный университет
им. А.М. Горького. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.**

Типолаборатория УрГУ. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

